

Узнавший детектив

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Волшебниками не рождаются,
или Вуду для «Чайников»

Галина Михайловна Куликова
Волшебниками не рождаются,
или Вуду для «чайников»
Серия «Пиковая дамочка
Лайма Скалбе», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127560

Волшебниками не рождаются, или Вуду для «чайников»: Эксмо;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-80378-1

Аннотация

Никогда еще пиковая дамочка Лайма Скалбе – руководитель секретной группы «У» – не имела дела с такой экзотикой: сыщик с котом, карлик с колокольчиком, негры – метатели ножей и мулатка-убийца... А все началось с сыщика Арсения Кудесникова. Это он со своим котом обнаружил на пустынном шоссе даму без сознания. Красавица не помнила даже своего имени. Но под резинкой чулка она обнаружила на своей ноге какой-то адрес. Безмянная дама просто горела нетерпением узнать, что с ней случилось, поехала по указанному адресу и... попала на тайную квартиру нового шефа группы «У» Игоря Тагирова. Тот явно видел эту красавицу впервые, но отвез ее

к своему агенту, который сообщил: они вдвоем у него уже были, и Игорь называл даму Эммой. Тагиров в недоумении – он этого не помнит. И вот Игорь бросил на это дело всемогущую троицу: Лайму, Корнеева и Медведя плюс Арсения с котом. Вот тут-то и началась чертовщина с карликом, мулаткой и неграми. Но от славной троицы еще никто не уходил!..

Галина Куликова Волшебниками не рождаются, или Вуду для «чайников»

© ООО «Издательство «Эксмо», 2005

* * *

Арсений Кудесников гнал машину сквозь ночь и негромко напевал. Настроение было чудесным – он хорошо выполнил работу, справившись с весьма затейливым дельцем. Свет фар с силой отталкивал горизонт, который казался опасно близким, и лента дорожной разметки, шурша, убегала под колеса. В низком небе висела абсолютно круглая, страшная, кладбищенская луна. К пустынному шоссе вплотную подступали непричесанные деревья, а редкие фонари напоминали подслеповатых стариков, преисполненных пессимизма. Впечатлительному человеку такой пейзаж вряд ли пришелся бы по душе.

А вот Кудесникову все было нипочем. В его кармане лежал тяжелый пистолет, а рядом на пассажирском сиденье развалился персидский кот по кличке Мерседес, по-

всюду сопровождавший хозяина, – огромный, широкомордый и флегматичный. Ошейник, украшенный разноцветными стекляшками, тонул в душной шерсти. Цепочка, на которой Кудесников водил своего любимца по улицам, валялась тут же, на резиновом коврикe.

– Жизнь хороша! – сообщил Арсений коту, легко вписываясь в поворот.

И тут же с коротким воплем ударил по тормозам. Машина завизжала и от неожиданности едва не встала на дыбы, как осаженная лошадь. Мерседес, коротко мякнув, свалился на пол. Однако Арсений даже не повернул головы. Взгляд его был прикован к человеческому телу, перегородившему дорогу.

Женщина! Она лежала поперек разделительной полосы, разметав руки. Вечернее платье открывало колени, темные волосы растеклись вокруг головы блестящей лужей. Атласная туфля слетела с ноги и валялась поодаль, посверкивая стеклярусом. Транспортных средств поблизости не наблюдалось – никого и ничего.

Кудесников громко сглотнул и заставил себя разжать пальцы, стиснувшие руль.

– Гадство, – прошипел он. Зажмурился и снова открыл глаза. Женщина никуда не делась. – Знаем мы такие штучки!

Он действительно знал такие штучки. Вы катите по дороге и вдруг замечаете лежащего на пути человека. Останавливаетесь, выпрыгиваете из машины, и тут... Из придорож-

ной канавы выскакивают добры молодцы, бьют вас по башке и угоняют автомобиль со всем содержимым. Предполагаемый труп, естественно, встает и присоединяется к шайке, хмыкнув в ваше запрокинутое лицо.

Кудесников поспешно поднял стекло и сдал назад, отъехав от женщины на приличное расстояние.

– Не может быть, – сказал он Мерседесу, взобравшемуся обратно на сиденье, – чтобы эта мадам оказалась тут случайно – ее наверняка подложили! Очевидно, у меня хотят отнять деньги. Но кто мог знать, что я поеду именно этой дорогой? – И сам себе ответил: – Да никто не мог.

Логичнее было бы возвращаться в Москву другим путем. Он специально выбрал долгий, окольный, чтобы оградить себя от всяких случайностей. Он любил ездить по пустым дорогам – в этом была некая анонимность, приятная его сердцу. Вероятно, по ночам здесь идет охота на лохов, и ловушку подстроили для первого попавшегося водителя, а не лично для него, Арсения Кудесникова.

Носок его ботинка шевельнулся, тронув педаль. Автомобиль вновь пополз вперед, похожий на кошку, подбирающуюся к бабочке. На этот раз он остановился гораздо дальше, чтобы иметь свободу маневра и объехать живое препятствие по встречной полосе.

Именно в этот самый момент женщина зашевелилась и открыла глаза. Потом неожиданно резко села и повернула к Кудесникову бледное лицо – обморочно красивое, с крас-

но-карминовым ртом. Арсений разнервничался. Приспустил стекло, чтобы образовалась щелочка толщиной с мышиный хвост, и крикнул в нее:

– А вот я возьму и не выйду из машины, а?

Женщина ничего не ответила. Поднесла руку к лицу и потрогала лоб, будто бы проверяла, нет ли у нее температуры. Дикая ситуация! Кудесников достал пистолет и, держа его в правой руке, левой приоткрыл дверцу. Стрелял он неплохо и заранее решил, что будет целиться в конечности – если, конечно, кто-нибудь выпрыгнет из зарослей. Однако все осталось по-прежнему, и в сгрудившихся под откосом черных кустах не слышно было ни треска, ни шороха.

Кудесников осторожно выставил ногу наружу и подержал ее в воздухе, будто пробовал пальцами воду – хороша ли. Внутри у него все сжалось в предвкушении поединка. Вот сейчас выскочат, побегут, крикнут...

– Вы что, сбили меня? – испуганно спросила женщина, не сводя с Кудесникова огромных вампирских глаз. Она уже надела отлетевшую туфлю и подтянула колени к животу, словно девчонка, забравшаяся на диван с наспех вымытым яблоком.

– Я?! – возмутился тот, выбравшись из машины весь, целиком, но все еще опасаясь совсем отпустить дверцу. – Когда я подъехал, вы уже валялись тут, милочка.

Кудесников был высоким и статным мужчиной. Он вплотную подобрался к сорока годам, но все еще медлил перед

решительным переходом на другую сторону жизни. Женщины любили его – страшной бескорыстной любовью, – но он не отвечал им взаимностью, более того, не доверял ни одной. А уж этой, на дороге, не собирался ни верить, ни сочувствовать.

– Кажется, у вас ничего не болит, – добавил он ехидно. – И крови нет. Довольно странный наезд, верно? Так что давайте вставайте. И вообще – кто вы такая?

Женщина нахмурилась. На ее мелованном лбу прорисовались складочки.

– Господи, – пробормотала она, суетливо завертевшись на месте, чтобы половчее подняться на ноги. Поднялась и беспомощно посмотрела на Кудесникова. – Я... Я ничего не помню! Вообще ничего. Как меня зовут? Кто я? Как я сюда попала?

– О! – ответил тот, заведя глаза. – Почему-то я ни чуточки не удивлен.

Теперь уже он не опасался, что кто-то нападет на него прямо здесь, на темной пустынной дороге. Налицо перспективное планирование. По всем законам жанра он должен посадить эту красногубую в машину и принять участие в ее судьбе.

Она стояла перед ним с опущенными руками – отвратительно красивая и несчастная. Ему даже потребовалось сделать над собой усилие, чтобы подчиниться здравому смыслу. Когда он полез в машину, незнакомка потрясенно восклик-

нула:

– Вы что, бросаете меня?!

– Вот именно, – кивнул тот, шлепнулся на сиденье и решительно захлопнул дверцу. – Чао, малышка!

Машина сорвалась с места и полетела вперед, демонстративно обойдя «малышку» по широкой дуге. Кудесников некоторое время удерживал взглядом обтекаемую фигурку в зеркальце заднего вида, но потом непроизвольно моргнул, и она исчезла.

Тогда он принялся насвистывать. И так откровенно при этом фальшивил, что Мерседес поднял голову и укоризненно посмотрел на хозяина.

– Ну ладно, ладно! – буркнул Арсений. – Сам знаю!

Он выкрутил руль, заложил чудовищный вираж и поехал обратно. Женщина брела ему навстречу, крепко обхватив себя руками за плечи. Услышав шум мотора, она шарахнулась к обочине и едва не свалилась в кювет.

– Это я, – сообщил Кудесников, затормозив и высунувшись в окно. – Я решил, что смогу подбросить вас до города.

– Почему? – растерянно спросила она.

– Не желаю прочесть о вас в криминальной сводке за неделю, вот почему, – сварливо ответил сыщик. – Залезайте.

Женщина посмотрела на него в упор и сказала:

– Но я вас боюсь.

– Я вас тоже боюсь, – проворчал тот и приказал Мерседесу: – Давай прыгай назад, у нас попутчица.

Мерседес послушно сиганул на заднее сиденье, и незнакомка изумленно воскликнула:

– Ой, какая киса!

– Это мужчина, кот, – внес ясность Кудесников, наблюдая за тем, как она влезает в салон и устраивается.

Вместе с ней появился новый запах – свежего ветра и выдохшихся духов. Она немедленно извернулась, чтобы поглазеть на Мерседеса. Кот пошло развалился сзади, расставив лапы – приглашал почесать себя. Поганец любил женщин.

– Только не размахивайте руками во время пути, а то я нервный, – предупредил Кудесников и тронул машину с места.

Несколько минут они ехали молча, примериваясь друг к другу. Теперь уже пустынная дорога, на которую с двух сторон наваливалась темная туша леса, не казалась приятной. Хотелось скорее попасть в город, в его сверкающее и пульсирующее чрево, чтобы испытать обманчивое чувство безопасности.

Незнакомка не выдержала первой. Она вдруг тяжело задышала, громко втягивая воздух через нос.

– Вы что это? – с подозрением спросил Арсений. – Вздумали рыдать?

– Я не помню своего имени, – трагическим тоном ответила та. Слезы действительно выползли из ее глаз и повисли на округлых щеках. – Наверное, мне надо в больницу.

– Психиатрическую? – уточнил сыщик.

Он лихорадочно размышлял, имеет ли эта девица к нему какое-то отношение или все-таки нет. А вдруг его выследили? Тот джип, который обогнал его на выезде из подмосковного поселка, ревя, как реактивный самолет... Может быть, девица выскочила оттуда? У него столько дел за плечами, столько недовольных, обозленных, мстительных мерзавцев, которых он вывел на чистую воду. Или собирается вывести в ближайшее время. Вполне возможно, что эта красотка – живое орудие мести. Она слишком хороша, чтобы быть настоящей.

– Меня что, запрут в сумасшедшем доме? – Женщина всем корпусом развернулась к Кудесникову, расширив глаза. В них стоял ужас. – В таком случае я не хочу в больницу.

Платье обтягивало ее плотно, и вблизи казалось скользким, как змеиная шкура. «Вряд ли под ним можно спрятать оружие», – решил Арсений и неожиданно спросил:

– У вас не было с собой сумочки?

– Нет, – растерянно ответила она. – Вы же сами видели.

– И часов с гравировкой, и медальона с адресом тоже. Так что неизвестно, куда вас можно сдать. Разве только в милицию.

Она протяжно всхлипнула:

– Я не хочу в милицию! Я боюсь...

– Милиции я тоже боюсь, – честно признался Кудесников. – Особенно ночью и на темной дороге.

Незнакомка поморгала и стесненным голосом спросила:

– А что же нам делать?

Кудесников засмеялся. Его позабавило это «нам». Будто бы он уже пристегнут к ней гражданской ответственностью. Женщины обладают феноменальной способностью в два счета сваливать на подвернувшихся мужчин личные проблемы.

– Ничего не остается, как поехать ко мне, – откликнулся он. – Я сварганю вам бутерброд с колбасой, напою сладким чаем, после чего вы попытаетесь освежить свою память. Идет?

– Но я вас совсем не знаю!

В ее голосе появились истерические нотки. Кудесников пожал плечами и заметил:

– Это можно довольно быстро поправить.

Он достал из внутреннего кармана пиджака глянцевою визитку и протянул ей.

Женщина схватила карточку и, склонив голову, прочитала вслух:

– Частный детектив Арсений Кудесников. Вы – частный детектив?!

– Теперь скажите, что именно я вам и нужен.

– Не думаю, – пробормотала она. – У меня ведь ничего нет. И денег тоже.

– Я уверен, – оптимистично ответил Арсений, – что существуют мужчины, готовые оплатить мои услуги. Впрочем, возможно, это и не понадобится. Возможно, ваша фотогра-

фия появится завтра во всех газетах под заголовком «Ушла и не вернулась». Допускаю, что вы жена немецкого посла или любовница нефтяного магната. На вас дорожущее платье и кольцо с бриллиантами. Кроме того, вы ухожены и блестяте, как серебряная плевательница в богатом доме.

На некоторое время в салоне воцарилась тишина. Они уже въехали в пригород, и за машиной, отталкивая друг друга, понеслись серые пятиэтажки. Время от времени попадались оазисы остановок, украшенные урнами, и киоски, торгующие едой, запаянной в разноцветный пластик. Кудесников подумал, что если извлечь из предлагаемых продуктов консерванты и красители, то можно подсластить, подкрасить и заложить на длительное хранение взрослого слона. Сколько киосков, столько слонов.

– Почему именно жена посла? – спросила незнакомка после долгой паузы.

– Я говорю образно, – нетерпеливо ответил Кудесников. – Мне вообще в последнее время везет, как утопленнику. Просто рок какой-то! Я работаю один, видите ли. Стараюсь не влезать ни во что серьезное. И вот в прошлом месяце помогаю скромному американцу найти старого русского друга и оказываюсь в центре международного скандала. Или еще событие! Недавно является ко мне рабочий механического завода. Заподозрил жену в измене и во что бы то ни стало решил дознаться, кто ее любовник. Жена работает продавщицей в ювелирном магазине. Уж и побегал я за ней! И зна-

ете, кто оказался ее любовником? Семигуб!

– Кто это? – рассеянно спросила незнакомка.

– Не помните, кто такой Семигуб? – удивился Кудесников. – Эх вас приложило... Кстати, если вздумаете кому-то пересказать эту историю, я буду все отрицать. Семигуба каждый день показывают по телевизору в политических новостях. Муж, когда узнал, сразу попросился в уборную. Уверен, что он сидит теперь на своем механическом заводе безвылазно.

– Или в уборной, – поддакнула она. – Безвылазно.

– Приятно, что у вас есть чувство юмора, – желчно заметил Кудесников, – но с вами, я думаю, мне тоже не повезло. От вас просто разит неприятностями.

– Почему это? – Кажется, она обиделась.

– Вы помните свое лицо? Помните, как выглядите? Нет? Вы выглядите так, будто вас создали мастера по спецэффектам на студии Стивена Спилберга. Вы можете прямо сейчас отправляться в столицу Филиппин на конкурс «Мисс мира», заранее купив чемоданчик для короны.

Она немедленно схватилась за лицо руками, как будто это могло дать ей представление о собственной внешности.

Кудесников сжалился и повернул зеркальце, в которое она поспешно заглянула, на миг оторвавшись от сиденья. И проворкотала:

– О господи! У вас есть расческа?

– Какая расческа?! – вознегодовал он. – Вы что, не пони-

маете, что влипли? А если вы кого-нибудь кокнули сегодня ночью?

И тут она все-таки расплакалась. Сначала мелко подрожала подбородком, слепив из накрашенных губ клубничину, уронила несколько серебряных слез на колени, а потом закрылась руками и затряслась, как бурильная установка.

Будучи мужчиной опытным, Кудесников не стал ее утешать. В процессе утешения женщины припадают к вашей груди, или обнимают за шею, или опираются на плечо, но в итоге всегда садятся вам на голову.

Пока бедняжка рыдала и всхлипывала, они добрались до места. Сыщик проживал в большом современном доме рядом с душистым липовым парком и прудиком, который нынешней весной оккупировали жирные утки. Дом был обнесен забором, а возле ворот дежурил охранник с постной физиономией. Он постоянно ходил туда-сюда, точно заведенный. Завидев Арсения, «страж врат» кивнул головой, но потом перевел взгляд на его попутчицу, был наповал сражен ее красотой и на некоторое время остекленел.

Зарулив на стоянку, сыщик вытащил попутчицу из машины и, неласково схватив за локоть, повлек к подъезду. Кот Мерседес важно шел впереди, натянув цепочку. И лишь изредка, наступив в мелкую лужу, притормаживал, чтобы потрясти лапой.

В лифте она смотрела только на кота, ахала, приседала и оглаживала его двумя руками. К концу путешествия бед-

няга стал выглядеть так, будто пролез через узкий рукав.

– Вы любите кошек? – с подозрением спросил Кудесников.

– Н-не знаю, – пробормотала женщина. Разогнулась и сдула со лба прядь волос. Волосы были мягкими и легкими, как в телевизионной рекламе, и блестели от избытка питательных веществ. – Я ничего про себя не знаю.

Когда дверь в квартиру распахнулась, оба некоторое время помедлили на пороге, как нырятьщики на краю утеса. Наконец Кудесников отринул сомнения, вошел внутрь и включил в прихожей свет. Освобожденный кот нырнул в коридор и мгновенно исчез в глубине квартиры.

– Нужно придумать вам какое-то прозвище, – заявил сыщик, сняв башмаки и задвинув их носком правой ноги под вешалку. – Не могу же я постоянно обращаться к вам «Эй!». Вам нравится имя Дина?

– Мне все равно, – выдавила она. – Пусть будет Дина. Мне правда все равно.

Она скинула свои офигительные туфли, которые были похожи на музейный экспонат. Вероятно, их делали вручную, и мастер посадил зрение, вышивая все эти узоры. Кудесников задержал на них взгляд. В душе у него снова шевельнулось опасение, что рано или поздно за «Диной» придет длинный лимузин в сопровождении мотоциклистов-автоматчиков. Дину увезут, а его на всякий случай кастрируют.

Издав тяжкий вздох, он прошел по квартире, зажигая по-

всюду свет. Шторы были задернуты круглосуточно, из-за чего одна подружка называла его квартиру фотолабораторией.

Войдя в спальню, Кудесников снял костюм и аккуратно повесил его в шкаф. Рубашку положил в пакет для грязного белья. Он редко надевал костюмы, предпочитая тесные вельветовые штаны и пуловеры на голое тело. Пожилые соседки между собой называли его «фасонистым мужчиной» и были убеждены, что он артист.

– Послушайте, Дина! – крикнул Арсений, переодевшись в джинсы и футболку. – Вы все еще стоите в коридоре?

Он отлично знал, что она не двинулась с места, потому что оставил в двери щелку, чтобы подглядывать и подслушивать.

– Да, – ответила новоиспеченная Дина после некоторой паузы.

Она действительно стояла в коридоре, переступая черными шелковыми ногами на жиденьком коврикe.

– Хотите есть, пить, спать? Или, может быть, вам нужно в уборную?

Кудесников взъерошил волосы на макушке. Такое впечатление, что она сказочная принцесса, а он углекоп, который не знает, как обращаться со столь дорогим товаром.

– Я сильно замерзла, – призналась Дина и в подтверждение своих слов поежилась. – На улице так холодно, а это платье... Наверное, я сбежала с какой-то вечеринки.

– Или вас выкинули из машины, – высказал собственное предположение Кудесников.

– Мне хочется принять ванну. Вы... как?

– Сейчас принесу халат и полотенца. Можете пока покопаться в шкафчике и выбрать себе тапки.

Она проводила его взглядом и подумала, что он абсолютно безопасен. Несмотря на напускное нахальство, было в нем что-то такое... благородное, что ли. Кроме того, он был единственным человеком, которого она знала. На месте воспоминаний в ее голове вертелась клочковатая тьма, иссеченная красно-белыми всполохами огня. Это было похоже на чертово колесо с пылающими кабинками, и Дина на секунду зажмурилась.

Запершись в ванной, она пустила воду и уставилась в зеркало. Некоторое время изучала себя, потом вздохнула и принялась раздеваться. На ее ногах оказались чулки на широких резинках, с них она и начала. Подобрала платье и двумя руками потянула левый. Он пополз вниз неохотно – и не зря! Ему, оказывается, было что скрывать. Резинка отъехала, и глазам открылась длинная черная полоса на ноге.

Сначала Дина даже не поняла, что это такое. Подумала – грязь или шрам. И только наклонившись, различила буквы и цифры. Неровные черненькие букочки, как маленькие клещи, впились в ее розовую ногу и засели в ней намертво.

Первым ее порывом было броситься к Кудесникову, чтобы сообщить о находке. Однако оторвать глаз от надписи она не могла, поэтому осталась на месте и только крикнула в незапертую дверь:

– Арсений!

Арсений не собирался выпускать ночную гостью из поля зрения. Он болтался возле ванной комнаты, поэтому сразу же откликнулся на призыв.

– Вам что-нибудь нужно? – спросил он, подойдя вплотную к двери и уставившись на блестящую ручку, в которой отразилась его растянутая по горизонтали физиономия. – Забыл предупредить, что крема от Диора у меня нету.

– Идите сюда, – ответила дверь возбужденным голосом.

– Э-э... – протянул Кудесников. – Не стоит.

– Арсений, идите ко мне! – еще раз потребовала дверь не терпящим возражений тоном.

– Зачем?

– Я вам кое-что покажу.

Сыщик тяжело вздохнул. Кажется, начинается! Она хочет заманить его в душ, чтобы насмерть поразить своим дивным мягким телом, похожим на тесто для французских булочек. Она и в одежде хороша, как русалка, а уж без нее наверняка действует на мужчин подобно оружию массового поражения. Конечно, кто предупрежден – тот вооружен, но... Мало ли, как там, внутри, все сложится. Лучше не ходить.

На самом деле Арсений себе льстил. У него была куча поклонниц, и красивые женщины так его пресытили, что головокружение при виде обнаженной натуры вряд ли ему грозило.

– Не думаю, что это хорошая идея, – тем не менее поде-

лился он своими мыслями с невидимой Диной.

– Арсений, вы должны это увидеть! – продолжала упорствовать та. – Тут есть на что посмотреть.

– Ну, в этом-то я не сомневаюсь.

– Вам даже в голову не может прийти, что у меня тут обнаружилось! Вы ничего подобного в жизни не встречали, ручаюсь.

– Господи, вы меня пугаете.

– Я начала раздеваться и просто обалдела.

– Ну, уж если вы обалдели, то я, вероятно, упаду замертво, – пробормотал Кудесников.

– Арсений, откройте дверь.

– Нет.

– Тогда я сама... – пробормотала Дина.

Сыщик едва успел отскочить назад. Дверь полетела наружу, и он крепко зажмурился, в самом деле опасаясь, что будет сражен наповал, как давешний охранник на воротах. Тут же решил, что нельзя встречать врага с закрытыми глазами, и распахнул их.

Его новая знакомая стояла на пороге в одном чулке, приподняв подол платья. Высоко на ноге у нее чернели какие-то закорючки. Сначала он подумал о татуировке, но потом вдруг понял, что видит буквы.

– Разрази меня гром! – азартно воскликнул Арсений и бросился вперед. Другой на его месте потерял бы голову от волнения при виде обнаженной сливочной ножки.

Но черствое сердце Кудесникова даже не дрогнуло.

Читать кверху ногами было неудобно, поэтому он потащил Дину в комнату, бесцеремонно толкнул на диван и, усевшись рядом, собственноручно задрал ей платье. Надпись была аккуратной и очень разборчивой: «**Лиственная аллея, 7–17, Игорь**».

– Отлично, – пробормотал Кудесников, дергая себя за нос. – Замечательно. Вероятно, вы подвержены приступам амнезии и ваш муж пометил вас единственным возможным способом – поставив клеймо. Так делают фермеры, выжигая на шкуре склонных к авантюризму буренок фамилию владельца. Никак не могу понять, что это – татуировка? Вроде бы нет.

Он послунывил палец и попытался стереть буквы, но они не поддавались. Похоже, надпись была сделана несмываемой краской.

– Логичнее было бы оставить здесь номер телефона, – высказала здравую мысль Дина. – Чтобы я позвонила и за мной приехали. Если я часто пропадаю... Верно?

Ей не нравилась эта надпись. От нее веяло опасностью. Кудесников бросил на Дину косой взор. Он знал, что некоторое время она будет бороться с собой, но в конце концов не устоит. У него в запасе не так много времени. Ровно столько, сколько ей потребуется, чтобы переварить новую информацию. Пятнадцать минут? Полчаса? Наверное, не больше. Потом она вспыхнет желанием узнать о себе

правду. Вряд ли у нее хватит выдержки дожждаться утра... Если, конечно, все это не подстроено.

Приложив некоторые усилия, Кудесников снова засунул Дину в ванную комнату, а сам схватился за телефон. Он работал под эгидой фонда помощи бывшим военнослужащим, и у него всегда было к кому обратиться.

– Это ты? А это я. Не спишь? Отлично. Лиственная аллея, дом семь, квартира семнадцать, – быстро проговорил он в трубку. – Там должен находиться некий Игорь. Узнай, кто он такой. Вывернись наизнанку, но узнай, ясно?

Бросив трубку, он достал из книжного шкафа атлас, чтобы отыскать незнакомую ему аллею на карте Москвы. Прикинул расстояние. По пустому городу езды примерно минут двадцать. Уголком атласа он с остервенением почесал висок, словно хотел таким способом расшевелить мозги. Если все подстроено, то чего от него ждут враги? Что он посадит Дину в автомобиль и повезет по таинственному адресу? Ужасно примитивная ловушка. Вероятно, ее подстроили примитивные личности. Но рисковать все же не стоит. «Не поеду, – решил Кудесников. – Ни за что».

Дина появилась из ванной комнаты розовая и душистая. Глаза ее блестели, как у собаки, узревшей в руках хозяина поводок и сообразившей, что впереди чудесная незапланированная прогулка. Она уже приняла решение.

Кудесников завел ее на кухню, соорудил многоярусный бутерброд, залил пряный пакетик чая кипятком и водрузил

на стол угощение.

– Ешьте! – приказал он. – Возможно, вы привыкли к виноградным улиткам, но в моем холодильнике только плебейская колбаса, так что придется потерпеть.

– Я решила, что нужно туда поехать, – с трудом выговорила Дина, набив рот хлебом. – На Лиственную аллею.

– Сейчас?! – притворно изумился Кудесников. – В третьем часу ночи?

– А вдруг этот Игорь уходит спозаранку, – парировала она. – Именно ночью есть шанс застать его дома. А то потом целый день ждать...

– Предупреждаю сразу, – сказал сыщик. – Я готов заплатить за такси – и это все. У меня был тяжелый день, и завтра будет тяжелый день, так что я ложусь спать.

– Я думала, вы действительно решили мне помочь... – Дина проглотила хлеб и уставилась на него глазами, полными укоризны.

– Я разве не помог? – возразил Кудесников. – Кроме того, если неведомый Игорь пошлет вас подальше, можете возвращаться обратно.

– Как это он меня пошлет? – изумилась Дина. – А даже если и пошлет... По крайней мере, скажет, кто я такая.

Пока она ела, сыщик вызвал для нее такси и отыскал легкую курточку, которую забыла в платяном шкафу одна из его девиц. Потом свел Дину вниз по лестнице и усадил в машину. Она уверяла, что ей одной страшно, но он не сдавался.

Рано ему вступать в игру. Вот узнает все про этого Игоря, тогда...

Как только такси тронулось с места, Кудесников помахал ему вослед ручкой, вернулся домой и действительно лег спать. Слева от подушки он поставил телефонный аппарат, а справа положил мобильный. Мерседес попытался взгромоздиться ему на живот, но, как всегда, был безжалостно изгнан и ушел, оговариваясь.

* * *

Игоря Тагирова разбудил посторонний звук. Он приподнял голову и прислушался. Внизу, во дворе, тихо урчал мотор. Судя по всему, до утра еще далеко – на улице темнотища. Вот только луна, воспользовавшись раздернутыми шторами, забралась внутрь и теперь шарила по комнате, оставляя повсюду слюдяные лужи.

Тагиров легко соскочил с кровати и скользнул к окну. Возле подъезда стояла машина с гребешком на крыше, оттуда как раз выбиралась пассажирка – стройная брюнетка в спортивной куртке, накинутой поверх вечернего платья. Он сразу заметил, какой фирме принадлежит таксомотор, и запомнил номер борта – крупные цифры на крыле были хорошо различимы в свете фонаря. Плюнув выхлопными газами в клумбу с незабудками, автомобиль покружил на месте, разворачиваясь, и, радостно рыкнув, умчался колесить по городу.

Сделав несколько мелких шагов в направлении подъезда, брюнетка подняла голову и посмотрела вверх, на окна дома. Тагиров непроизвольно отступил, хотя увидеть его снизу было никак нельзя.

Сердце забилося сильно – он услышал, как оно торопится, и разозлился. Нет повода беспокоиться, об этой квартире не знает никто, ни одна живая душа. Старухи, проживающие на площадке справа и слева, считают, что он ученый, который изобретает всякую секретную дрянь, а потом уезжает из Москвы на полигоны ее испытывать. Он сам подбросил им эту идею, когда выбрал себе тайное убежище. Незнакомая брюнетка приехала к кому угодно, только не к нему.

В ту же секунду в коридоре загудел домофон. Еще гудок, еще. Тагиров открыл окно и высунулся. Она совершенно точно была одна. Одна и с пустыми руками – даже без сумочки. Это было странно. Женщины любят свои сумочки не меньше, чем мужчины свои автомобили. Он подошел к переговорному устройству и снял трубку.

– Игорь? – немедленно спросила трубка низким хриловатым голосом. – У меня для вас послание.

– От кого? – коротко поинтересовался Тагиров, уставившись в стену.

Так, значит, его выследили. Кто? И с какой целью? Впрочем, у него была возможность выяснить все это. Возможность стояла внизу и переминалась с ноги на ногу.

– Я вот так сразу не могу сказать, от кого, – ответила она

нетерпеливо. – Вы меня впустите?

– Входите.

Он открыл дверь загодя, чтобы по звуку шагов определить, сколько человек поднимается снизу и нет ли кого наверху – слух у него был, как у зверя. Брюнетка взбиралась по ступенькам, проигнорировав лифт, и каблуки ее туфель отстукивали затейливый ритм.

Ее появление на площадке было похоже на удар под дых. Она оказалась дерзко, яростно красивой. На чистом лице живыми звездами сверкали глаза. Но главное – она подалась навстречу Тагирову с такой надеждой, с таким радостным ожиданием, что он опешил.

– Игорь! – воскликнула брюнетка тягучим голосом. – Это я! Ты меня не узнаешь?

– Вас было бы сложно не узнать, – быстро ответил он. – Но, увы, мы не знакомы.

Его слова произвели на нее сокрушительное впечатление. Она шагнула назад, сникла и померкла, как будто в бальной комнате разом погасли все свечи.

– Не может быть...

Если перед ней не муж, не родственник и не друг, то, стало быть, она всего лишь винтик в чужой игре. Кто она? Курьер? Товар? У нее на коже вытравлен адрес этого ужасного типа. И он просто перешлет ее дальше, как посылку. Может быть, в Саудовскую Аравию, в какой-нибудь гарем.

То, что тип «ужасный», не вызывало сомнений. Он был

высоким, сухощавым и сильным. Очень сильным. Дина не могла объяснить, откуда взялась эта уверенность, но он, безусловно, способен убивать голыми руками. Приятные черты лица, заметная седина в волосах, короткие прямые брови и – драконий взор. Во взгляде этом заключена мощь, способная добраться до самого сердца и выжечь его дотла. Ей оказалось не под силу такое выдержать.

– Произошла ошибка, – пролепетала она. Отвела глаза и попятилась. – Извините, что я вас разбудила.

На нем были спортивные штаны и свободная футболка, под которой прятался стальной пресс. Несмотря на дезабилье, его легко было представить в строгом костюме и галстукке. Или в длинном темном пальто с прикрытым полкой автоматом.

То, что произошло дальше, показалось ей материализовавшимся кошмаром. Ужасный тип сделал неувловимое движение и один только шаг в ее сторону. В ту же секунду она почувствовала резкий рывок, потом ее оторвало от пола и протащило через всю площадку – прямо в зияющую пасть темной квартиры. Горячая ладонь залепила разинутый в вопле рот, из которого так и не вырвалось ни одного звука.

Хлопнула дверь, ее протрясло по бугристому мраку и швырнуло на что-то мягкое. Свет вспыхнул, и Дина увидела, что сидит в кресле, а ужасный Игорь стоит рядом и смотрит на нее не мигая. Его ноздри тонко подрагивали, как будто он принюхивался к добыче.

– Я хочу знать, – упреждая ее возгласы, спросил он, – откуда у вас этот адрес.

– Произошла ошибка, – прошептала Дина, вдавливаясь в широкую спинку. Мысль о Кудесникове и его коте, которые остались в безопасной квартире и сейчас, вероятно, спят, похрапывая и помуркивая, едва не заставила ее разрыдаться в голос.

– Ерунда, – Тагиров двинул бровью. – Вы явились ночью ко мне в дом. Вы знаете мое имя... Вам придется рассказать.

– Что? – одними губами спросила Дина.

И он весьма предсказуемо ответил:

– Все.

Дина поняла, что он вырвет из нее признание – и сделает это легко. Достаточно причинить ей боль. А он наверняка умеет причинять боль...

– Ну хорошо, – пробормотала она и подвигалась, чтобы сесть ровнее. – Начну с самого главного: у меня провал в памяти.

– Так, – обронил Тагиров и опустился в кресло, стоящее напротив. Глаз он с нее не сводил, и Дина подумала, что врать будет трудно.

Она не собиралась рассказывать про Кудесникова. Это был ее тыл, ее запасной выход. Нельзя отрезать себе путь назад.

– Я очнулась примерно час назад в незнакомом дворе на скамейке. Ничего не помню – кто я, как очутилась на ули-

це, где живу...

Ей показалось, что ужасный тип сейчас ехидно продолжит: «А потом вдруг неожиданно вспомнили мое имя и адрес». Однако он молчал, продолжая глядеть на нее неотрывно из-под полуприкрытых век, как аллигатор, наблюдающий за пришедшей на водопой антилопой.

– Я очень испугалась, не знала, что делать. И неожиданно увидела вот это.

Дина выставила вперед ногу и, приподняв край платья, спустила чулок. Надпись была сделана словно специально таким образом, чтобы резинка скрывала ее. Тагиров непроизвольно подался вперед, потом встал и подошел поближе. И опять сказал:

– Так.

Несмотря на серьезность ситуации, он не смог вовсе проигнорировать эту ногу – стройную и гладкую, живую. Незнакомка подвигала туфель по полу, но платье не оправила, и Тагиров еще некоторое время пристально разглядывал свой адрес, выведенный на гладкой коже. Надпись, сделанная на женской ноге, выглядела дико, и он не нашелся, что добавить к этому «Так».

– Я обратилась за помощью к припозднившемуся типу, который как раз собирался сесть в свою машину, – затараторила Дина. – Попросила подвезти меня, но он не захотел. Но зато вызвал мне такси и заплатил шоферу.

Ей было жарко. Она врала и потела. Тагиров отлично по-

нимал это. Врет, и черт с ней. Важно другое: как, каким образом всплыл адрес его тайной квартиры? Выходя из дому, он всегда путал следы. И проверял, нет ли «хвоста». Кому, как не ему, уметь уходить от преследования?! Тогда кто его выследил? Кто *дерзнул*?

– Я думала, что я – ваша жена, – бесхитростно закончила Дина. – И вы мне обрадуетесь.

Тагиров дернул бровью. У него была совсем другая жена – деловая и не слишком привлекательная, которая с годами становилась все серьезнее и все скучнее. Она отвергла экспромты, плохо реагировала на всякие романтические глупости и при этом считала, что муж никуда от нее не денется. Сейчас она спала в их общей квартире на их общей кровати, убежденная, что он отсутствует по уважительной причине.

– Пожалуй, я пойду, – сказала Дина. Ее тяготило его невнимательное молчание. – Поброжу по городу и попробую что-нибудь вспомнить.

– Ну да! – воскликнул Тагиров. – Никуда вы с этой штукой на ногу не пойдете. Даже не мечтайте.

Он сказал это с таким свирепым выражением, что она перепугалась до ужаса. Ахнула и мигом вскочила. Но он схватил ее за плечо, швырнул обратно в кресло и с досадой воскликнул:

– Успокойтесь, дурочка, я ничего вам не сделаю. Но пока не выясню, как мое имя и мой адрес попали к вам под юбку,

я вас не отпущу.

Он ее не отпустит! Ярость на секунду взяла верх над страхом.

– Я надеялась, что по этому адресу проживает моя семья! – вскричала она. – Или друг...

– А тут я, – мрачно закончил за нее Тагиров. – Кстати, как вас зовут?

– Зовите меня Диной. Пока что. – Она покусала нижнюю губу и с досадой добавила: – Не может быть, чтобы меня никто не искал. Я же не с луны свалилась, верно? Жила себе где-нибудь тихо-мирно...

Тагиров не стал ее разочаровывать. Жить с такой внешностью тихо и мирно практически нереально.

– У вас есть какие-нибудь повреждения? – спросил он с подозрением. – Почему это вы потеряли память? Головой стукнулись?

Дина чуть было не сказала, что ее скорей всего сбила машина, но вовремя прикусила язык.

– Я же говорю, что ничего не помню.

Она взялась двумя руками за голову, чтобы он видел – она и правда ничего не помнит и ужасно страдает от этого.

– Ну вот что, – сказал Тагиров. – Я намерен на некоторое время изъять вас из обращения, как фальшивый полтинник.

И потер руки, будто бы испытывал страсть к фальшивым деньгам. Дина похлопала глазами и спросила, глядя на него снизу вверх:

– Как это – изъять?

– Отвезу вас к моему другу, и вы будете сидеть тихо, пока я все не выясню. Но сначала выложите мне всю правду. Да-да, выложите как миленькая.

Идея Дине не понравилась, и в животе у нее стало так холодно, как будто она наелась ментоловых пастилок. Однако, поймав его тяжелый взгляд, решила не возражать. Сама, сама отправилась в пасть к дракону, дурочка. Он ей не верит. Ясное дело, не верит.

– Вы будете меня пытаться? – пискнула она.

– Конечно, – охотно согласился Тагиров. Подошел к шкафу и стащил с плечиков одежду. – Вместе с другом. – Хлопнул дверцей и сверкнул злыми глазами в ее сторону.

Чтобы не выпускать ее из виду, переодеваться стал тут же, бросив барахло в кресло. Снял штаны и майку, оставшись в одних трусах. Дина взглянула на него, увела глаза в сторону, секунду помедлила и посмотрела снова. Он не удержался и хмыкнул. Тело у него было выдающимся, он отлично это знал. И когда отправлялся купаться, на него глазел весь пляж.

Тагиров застегнул «молнию» на штанах и протащил через голову свитер. Кажется, сейчас самый подходящий момент пугнуть эту куклу. Она наблюдает за процедурой одевания и не ждет от него ничего плохого. Как всякая женщина, красотка легко впала в транс и так же легко расслабилась.

Неожиданно для нее он сделал короткий выпад, взял но-

гами «в клещи» ее сдвинутые колени, схватил правой рукой за горло и рявкнул, упершись кончиком своего носа в ее нос:

– Говори правду, ну!

Она брыкнулась, и слезы неожиданно брызнули у нее из глаз с такой силой, будто бы он поднес к ним луковицу.

– Ты наврала мне!

Красотка несколько раз булькнула, и он ослабил хватку. Тогда она прорыдала:

– Да, я наврала! Наврала!

Тагиров сел перед креслом на корточки – для устрашения, и она в один присест выложила ему всю историю, начав прямо с Кудесникова и его кота. В процессе повествования слезы блестящими нитями тянулись из ее глаз и падали на колени. Он терпеть не мог пугать женщин, но в данном случае у него просто не было выбора.

Предав против воли подобравшего ее на дороге частного сыщика, Дина совершенно раскисла, и Тагирову легко удалось согнать ее вниз по лестнице и засунуть в машину. Когда он пристегивал ее ремнем безопасности, она все еще всхлипывала.

– Перестаньте, – попросил он, возясь с замком.

Ремень ездил по ее скользкому платью и никак не хотел защелкиваться. Как назло, красотка оказалась чересчур близко, и за короткое время он успел надышаться ею. Она пахла, как раздавленная роза – сладко и душно. Вторгнувшись в ее воздушное пространство, он почувствовал себя

мерзким завоевателем. В душе его шевельнулось нечто похожее на раскаяние. Однако Тагиров тут же отвлекся – необходимо быстро обнаружить и отсечь преследователей. А в том, что их будут преследовать, он ни секунды не сомневался.

На улице было свежо и тихо. Как только они вывернули на широкий проспект и набрали скорость, в приспущенное окно ворвался ветер и принялся царапать щеки. Дина скосила глаза на своего похитителя и вздрогнула. Ну и лицо! Вернее, лицо ничего себе, но вот выражение... Она все еще испытывала вину за то, что выдала Кудесникова. По сравнению с этим драконоподобным типом сыщик казался ей теперь невероятно добрым и милым.

* * *

Тем временем милый Кудесников храпел, лежа на спине и так широко раскрыв рот, как будто тот был триумфальной аркой, готовой пропустить через себя армию победителей. Длинный звонок вернул его из царства Морфея в предрасветную Москву.

Кудесников сел в постели и потряс головой, потом протянул руку и похлопал по телефонному аппарату. Приложил трубку к уху и аллокнул. В трубке длинно гудело. Он бросил ее на место и поискал с другой стороны. Мобильный молчал, как ржавая железяка. Однако звонок продолжал надрываться, и сыщик сообразил наконец, что кто-то явился к нему

живьем и теперь стоит у входной двери, рассчитывая на гостеприимство.

Незапланированных посещений Кудесников не любил. Он тут же вспомнил о Дине, облился «страшным» потом, бросился к окну и сплющил нос о стекло. Лимузина, окруженного мотоциклистами-автоматчиками, во дворе не обнаружилось. Он мысленно перекрестился и потрусил в коридор, перешагнув через валявшуюся на ковре тушу Мерседеса.

Заглянул в «глазок» и увидел мальчишку лет двенадцати, который стоял на коврике и от нетерпения переминался с ноги на ногу. Арсений рывком распахнул дверь, приготовившись изречь мудрую фразу: «Детям ночью нужно спать». Однако мальчишка его опередил, выпалив нахальным тоном прямо в сыщицкий пупок:

– Дяденька, подайте на хлебушек!

Это был условный сигнал, который означал, что Кудесникова ждут возле ближайшей булочной.

– Стой тут, – велел он и, метнувшись к вешалке, добыл из кармана ветровки мятую десятку. Все должно выглядеть правдоподобно. Тем более что на лестничной площадке они были не одни. Возле заляпанного отбросами мусоропровода стояла соседка Кудесникова Нелли Ираклиевна – филолог в пятнадцатом поколении, старая редакторша, которая жила на духовной пище и сигаретах. Травиться к мусоропроводу ее выгонял муж. И хотя он уже давно исчез с горизонта, Нел-

ли Ираклиевна так и не рискнула нарушить традицию. Она мучилась давлением и не спала ночами, продираясь сквозь философские тексты и выкуривая по пачке крепких сигарет «Миллениум» с полуночи до восхода солнца.

– Сеня, детка, вы – подлинное сокровище! – заявила она надтреснутым голосом, похожим на дзиньканье антикварной чашки. – Другой бы на вашем месте начал возмущаться. Я сразу спросила этого ребенка, где его родители и почему он бегает в темноте по чужим подъездам. И как он просочился мимо охранника. А вы... Такой открытый, такой бесхитростный!

Бесхитростный Кудесников приторно улыбнулся Нелли Ираклиевне и скрылся в квартире. Дождался, пока она затопчет окурок и освободит лестничную площадку. Натянул штаны, застегнул не на ту пуговицу рубашку и выскочил из дому в ботинках на босу ногу.

Двор встретил его скрипом качелей и поскуливанием совершающей ранний моцион собаки, которая таскала за собой сонного хозяина. Жесткая темнота уже размякла, превратившись в жиденький серый кисель. Кудесников быстрым шагом прошел до будки с охранником, махнул ему рукой, а потом побежал. Прохладный ветер немедленно забрался к нему за пазуху и пощекотал, прогоняя остатки сна.

Возле булочной никого не было. То есть совершенно никого. Он прогулялся вдоль крыльца с разбитыми ступеньками и дошел до кустов боярышника, усеянных тяжелыми ла-

кированными ягодами. Сорвал одну, обтер о штаны и сунул в рот. Внутри оказались волосатые семечки, и Кудесников с отвращением выплюнул их на асфальт. В ту же секунду листва зашумела, треснула ветка, и тихий голос позвал:

– Пст!

Арсений, недолго думая, влез в палисадник и нос к носу столкнулся с Аликом Малаховым. Именно ему он несколько часов назад поручил установить личность загадочного Игоря, на randеву с которым отправилась давешняя брюнетка. У Алика оказался абсолютно дикий вид – волосы стояли дыбом, одна пола рубашки застряла в брюках, другая болталась поверх ремня. Маленькие, вечно бегающие глазки были неправдоподобно вытаращены и смотрели в одну точку – а именно в лоб Кудесникову.

– Ты почему в кустах? – спросил тот, но Алик не дал ему закончить, схватил за грудки и больно стукнул о ствол тощей березки, подпиравшей изгородь. И страшным шепотом просвистел, оросив физиономию сыщика порцией слюны:

– Ты что, Сеня, смерти моей хочешь?

– В каком смысле? – до невозможности удивился Кудесников. Его еще ни разу не затаскивали в кусты, чтобы доложить о выполненной работе. – Возьми себя в руки, Малахов. Ты мужик или мамзель в кружевах? Говори спокойно – так, мол, и так, Арсений.

– Так тебя и растак, Арсений! – в сердцах ответил тот. – Во что ты вляпался, а? И меня за собой потянул!

– Вяпался... – задумчиво повторил Кудесников, и призраки мотоциклистов-автоматчиков закружились в его глазах черными мушками. – А что случилось?

– Что случилось?! – задохнулся Малахов. – Знаешь, кого ты поручил мне разрабатывать?

– Игоря, – покладисто ответил Кудесников, почесав левую лопатку о нарост на березовой коре. Да, он не ждал от брюнетки ничего хорошего, но чтобы так паниковать... – Игоря, которому принадлежит квартира на Лиственной...

– Квартира принадлежит черт знает какому фонду, – перебил его Малахов. – Хотя в ней действительно находился Игорь. Как потом выяснилось... Значит, он под ручку с бабой выходит из подъезда и садится в машину. А я, значит, за ним слежу. И пока слежу, сбрасываю Михалычу номер автомобиля, чтобы он, значит, установил владельца. Еду дальше. И тут Михалыч перезванивает, орет, как обезьяна резус, и меня матом! Я ссылаюсь на тебя, он тебя тоже матом! Трубку бросил и оба телефона отрубил.

Кудесников нервно почесал о березу вторую лопатку. Чтобы железобетонный Михалыч орал? Уму непостижимо.

– Я отправился к нему, – продолжал шипеть Малахов, – и знаешь, что он сказал?

– Что брюнетка оказалась молочной сестрой Кондолизы Райс и на Москву уже летят американские баллистические ракеты, – вслух предположил Кудесников.

Малахов несколько секунд смотрел на него не мигая.

– Теперь я вижу, что ты спятил, – мрачно заключил он. – Ты просто спятил, и все. Будь ты в своем уме, ты не послал бы меня следить за руководителем департамента службы безопасности.

Арсений почесался о березу всей спиной, извиваясь, как уж, задумавший вылезти из старой шкурки. И глупо переспросил:

– Службы безопасности чего?

– Страны! – гавкнул Малахов. – Игорь Тагиров, твою мать, его зовут! Думаешь, он не заметил, что я за ним слежу? Думаешь, он не узнает, кто я такой? И кто раздает мне поручения, да? Мы исчезнем прямо сегодня утром, – простонал он. – Бесследно. Наши изуродованные тела смешают с трупами жертв авиакатастрофы рейса Бенин – Урюпинск. Нам крышка. Мне – крышка!

– Ты вот что, – сказал Кудесников, чувствуя беспокойство в желудке, – ты иди домой и ложись спать. А я разберусь...

– Он разберется! – Малахов воздел руки, призывая небожителей стать свидетелями кудесниковской глупости. – Вместо того чтобы разбираться, иди и пиши завещание. Я уже велел жене собирать детей.

Собирать детей! Арсений представил, как дети Малахова, завязанные крест-накрест в белые платки, сидят на чемоданах и рыдают в два голоса. А их мать дрожащими руками запихивает в баул самые ценные вещи, уминая их коленкой.

«Бежать!» Слово билось в голове Кудесникова, расклады-

ваясь на два слога в такт его шагам: бе-жать, бе-жать, бе-жать... Он двигался к своему подъезду длинными скачками, изредка виляя, словно уже был взят в перекрестье прицела. Беспокойство в желудке перешло в штормовое предупреждение. Кудесникову казалось, что этот важный орган раздулся внутри него подобно воздушному шару и уже подпирает сердце – дышать становилось все труднее и труднее.

Прилетев домой, он заметался по квартире, не зная, с чего начать сборы. Необходимо спрятаться. Пересидеть бурю. Конечно, он ничего такого не сделал, всего-то проявил человеческое участие. И все-таки... Все-таки было страшновато оставаться тут и прислушиваться к шагам за дверью.

«Там», конечно же, решат, что Дину подослал он. И слежку тоже организовал он. Великолепно! Как говорится, сделал дело – жди расстрела.

– Мерс, мы уезжаем! – предупредил Арсений кота, свесившего заднюю лапу со спинки кресла. – Собирайся.

В комке шерсти приоткрылся один зеленый глаз и принялся следить за тем, как хозяин мечется по квартире. Вот Арсений вытащил из шкафа большой чемодан с кусачими замками и принялся набивать его добром.

– Твою миску мне мыть некогда, поэтому мы ее не возьмем, – говорил Арсений. – Иначе вся одежда провоняет «лакомыми кусочками». Воистину, мы живем в век мышино-го счастья. Уму непостижимо – коты питаются консервами! Моя дорогая бабушка лопнула бы от смеха. Раньше котов

не кормили, а просто предоставляли им кров. Они были обыкновенной скотиной, а сейчас обнаглели до чрезвычайности.

Мерседес приоткрыл второй глаз, всерьез заинтересовавшись хозяйским монологом. Нечасто с ним обсуждали философские вопросы!

– Твою корзинку с подстилкой я тоже не возьму, – сообщил Арсений. – Тем более что спишь ты где попало.

В этот момент в прихожей раздался звонок. Сыщик вырвал из рук любимое полотенце и прошептал:

– Все. Это за мной.

Ноги его налились свинцом, и, тяжело топая, он подошел к двери. Замок злобно лязгнул, и дверь со зловещим скрипом отползла в сторону. На лестничной площадке стояли два мордоворота в черном и смотрели на Кудесникова с неприветливой настороженностью, как два добермана. Между ними обнаружилась невысокая пожилая дама в шелковом костюме и шляпе, похожей на поганку. У дамы был такой решительный вид, словно она собиралась заливать ядом осиное гнездо. Круглый подбородок максимально выдвинут вперед, брови «птичкой» сошлись на переносице, щедро подсиненные глаза сияют отвагой. На сотрудников службы безопасности эта троица походила меньше всего.

– Это вы – частный детектив? – спросила дама и помахала перед носом Кудесникова глянцевой журнальной страничкой, которая раньше была свернута вчетверо и уже из-

рядно потерялась на сгибах. Время от времени сыщик помещал объявления в прессе, привлекая новых клиентов. Вероятно, дама таковой и была.

– Я принимаю только по предварительной записи, – нервно сказал Кудесников. – И уж точно не по ночам. – Тотчас получил тычок массивным кулаком в грудь, пролетел через весь коридор и впечатался спиной в стену. И прокряхтел: – Но для вас сделаю исключение.

– Уж будьте любезны, – заявила дама, без спросу переступив порог. – Где мы можем поговорить?

Не дожидаясь ответа, она прошла в комнату, деловито огляделась и села на диван. Мордovorоты встали по обеим сторонам двери и замерли в ожидании.

– Ну и кот у вас, – заметила дама, оглядев Мерседеса с неудовольствием. – Он похож на сенбернара. Отчего он такой огромный – так и было задумано?

– Нет, это вышло случайно, – ответил Кудесников, соображая, как выкурить отсюда наглую компанию. Пожалуй, ему с ними не справиться.

И тут дама сказала:

– Я желаю нанять вас на работу. Я специально приехала пораньше, чтобы вы смогли начать слежку прямо с сегодняшнего утра.

– Но у меня уже есть работа! – воскликнул Кудесников в отчаянии. Раскрытый чемодан напоминал ему о близкой опасности. – Кроме того, я уезжаю в отпуск.

– Забудьте об отпуске, – отрезала гостя. – Прежде чем отправляться загорать, вы должны отыскать любовницу моего мужа.

– Она что, пропала? – рассеянно спросил Кудесников, представляя, как мчитя на автомобиле по Кольцевой. Позже машину, конечно, придется бросить...

– Господи, ну что вы несете! – возмутилась дама. – Никуда она не пропадала. Просто я знаю, что любовница есть. И хочу выяснить – кто она.

– А с чего вы взяли, что любовница есть? – с наигранным оптимизмом спросил Кудесников. – Нашли рыжий волос на галстук? Поверьте моему опыту, это еще ничего не значит. Может быть, ваш муж по дороге домой погладил лошадь.

– Какую лошадь? – вознегодовала дама. – Не морочьте мне голову. Чтобы создать семью, женщине сначала приходится играть в нападение, а потом всю жизнь стоять на воротах. Вы вообще знаете, кто я? Я – Алла Семигуб! Жена Семигуба. Того самого, смею вас заверить. Мой муж – государственный чиновник, и дело поэтому приобретает государственную важность.

– Жена Семигуба? – с недоверием переспросил сыщик. – Вы? И вы хотите узнать имя любовницы супруга?

Кудесников не верил своему счастью. Судьба улыбнулась ему. И Семигуб, и его пассия жили с ним в одном районе. Судя по всему, их обманутые супруги искали частного

сыщика, руководствуясь территориальным признаком.

У Кудесникова появилась реальная возможность завершить расследование в две минуты. Однако он не мог рассказывать клиентам друг о друге. Иными словами, Алла Семигуб не должна узнать о том, что мнительный муж любовницы уже оплатил расследование со своей стороны.

– Должен предупредить, – сказал снедаемый лихорадкой Арсений, – что я пользуюсь нетрадиционными методами расследования.

– Мне все равно, – заявила Алла Семигуб, выпятив нижнюю губу, как Горбачев во время публичных выступлений. – Главное – результат и скорость.

– За скорость я беру двойную оплату.

Он придумал это вовсе не из жадности. Особо дорогим специалистам клиенты доверяют безоговорочно, а ему сейчас как никогда необходимо доверие. Он назвал сумму, и Алла Семигуб немедленно достала из своей сумочки кошелек.

– Я дам вам расписку, – пообещал Кудесников. – Когда-нибудь потом... Когда у меня будет время. А теперь скажите: нет ли у вас с собой какой-нибудь вещи, принадлежащей мужу? Может быть, вы прихватили связку его ключей или зажигалку?

– Собираетесь искать Федорову любовницу по запаху? – с подозрением спросила Алла и снова полезла в сумочку. – Тогда держите.

Она извлекла на свет божий массивный перстень с пустыми «лапками», в которых, судя по всему, раньше сидел квадратный камень. И пояснила:

– Планировала отдать ювелиру. А что вы собираетесь с ним делать?

– Собираюсь вступить с ним в контакт, – ответил Кудесников. – Только мне не должны мешать. Прошу пять минут полной тишины. – Он с вызовом посмотрел на мордоворотов, хотя те и так производили минимум шума, только напряженно сопели.

Усевшись в кресло спиной к окну, Арсений сжал перстень в кулаке и вытянул руку вперед. Лицо у него сделалось вдохновенным, и он закрыл глаза. Алла Семигуб смотрела на него из-под своей шляпы со смесью недоверия и восторга. Сыщик оказался совсем не таким, как ее «мальчишки», он был человеком тонкой организации, нервным и импульсивным. Неужели он умеет получать информацию на расстоянии, как экстрасенс? Интересно, что можно узнать, вступив в контакт с перстнем ее мужа?

Кудесников некоторое время подержал на лице подходящее к случаю выражение, потом распахнул глаза и сказал:

– Все. Я закончил.

Вскочил на ноги, метнулся к секретеру, добыл из его недр листок бумаги, карандаш и быстро написал несколько строк. Подошел к Алле Семигуб и вручил листок ей.

– Что это? – недоверчиво спросила та, разглядывая имя

и адрес. – Кто это?

– Это она, – торжественно провозгласил Кудесников. – Любовница. Я умею получать информацию прямо из космоса.

– Вот так просто? – удивилась жена Семигуба.

– Ничего себе – просто! Я напряг все свои внутренние силы, использовал все внутренние резервы, даже воспользовался дополнительной ментальной энергией...

– Моей? – мрачно спросила та. – Я слышала, что это очень вредно.

Терять свою ментальную энергию, да еще из-за любовницы мужа, ей было жалко.

– Конечно, нет! Я... – Кудесников изо всех сил прислушивался, не стукнет ли дверь подъезда. – В сложных случаях я использую ментальную энергию... – Он с опаской поглядел на мордоротов и быстро закончил: – Своего кота.

– Так это не простой кот! – обрадовалась Алла. – Я ведь сразу поняла, что он недаром такой огромный!

Она с уважением посмотрела на Мерседеса.

– Конечно, – горячо подтвердил Арсений, пританцовывая от нетерпения. – Чем больше кот, тем лучше результат.

Тем временем мысли о бегстве теснились в его голове, отталкивая одна другую. Машина, мобильный телефон, сберкнижка, пластиковая карта, блокнот с адресами друзей – все это становится опасным грузом, когда за тобой охотится государство. Пачка наличных, чемодан с одеждой и кот

под мышкой – вот все, что он может взять с собой. И поскорее, поскорее!

Обалдевшая Алла Семигуб вывалилась из его квартиры, прижимая заветную бумажку к животу с такой силой, словно затыкала ей рану от пули. И она еще не верила в ясновидящих! Если информация подтвердится, она вернется к этому человеку и попросит отыскать бриллиантовый кулон, который исчез в прошлом году из ее переносного сейфа. И узнает наконец, куда подевался Леша Кущин, ее сердечный друг. Приложил ли Семигуб руку к его исчезновению или нет? А угнанная машина двоюродной сестры? Кудесников наверняка сможет ее найти...

* * *

Эрик Шелеп работал. На круглом столе размером с детскую карусель громоздился ворох тканей. Эрик раскручивал рулоны, подбрасывал вверх крепдешин, парчу и лен, мял их пальцами, прикладывал друг к другу, собирал в складки и перекидывал через плечо, чтобы посмотреть, как струится материя. Пол был усеян обрезками бумаги и кусками клетчатого твида, пуговицами, тесьмой и кружевом. Среди всего этого добра ползала миниатюрная девушка с длинной челкой, которую она постоянно сдувала с глаз. Большие портновские ножницы в ее руках плотоядно пощелкивали. Возле окна стрекотала швейная машинка, ею управляла дородная

женщина с красивыми руками и вдохновенным лицом. Она была рыжей и такой лохматой, словно на полном ходу высунулась из окна поезда и некоторое время радовалась встречному ветру.

Сам Эрик выглядел, как мальчишка с приделанной бородой, который задумал поиграть в капитана дальнего плавания. К бороде совсем не подходили круглые погремушки щек и веселые глаза под белыми шелковыми бровками. Он был маленький, упитанный и шустрый, словно игрушечная машинка с перекрученным заводом.

Звонок в дверь не произвел на троицу никакого впечатления. Однако он продолжал заливаться и минуту, и две, подобно впавшей в любовный раж птички, и в конце концов Эрику надоел.

– Надо открыть, – с сожалением сказал он и отправился в коридор.

Для порядка спросил «Кто там?», но ответа дожидаться не стал. Отворил дверь и радостно воскликнул:

– Кого я вижу! Какой человек! И с какой девушкой!

Он одарил Тагирова рукопожатием, а Дину сладко поцеловал в щечку, привычно привстав на цыпочки – знакомых моделей ростом с торшер у него было множество.

– Заходите, бесценные мои! – проворковал он и первым побежал в комнату, размахивая руками.

– Добрый вечер! – хором поздоровались с гостями девушка с ножницами и женщина за швейной машинкой.

Судя по всему, они смутно представляли себе, что за занавесками уже другое время суток, и продолжали доделывать вчерашнюю работу. Эрик не стал представлять гостей, а просто расчистил путь к дивану и предложил:

– Проходите.

– Это Дина, – сообщил Тагиров, подталкивая вперед свою пленницу.

Она сердито посмотрела на него, сделала несколько шагов и остановилась.

– Дина так Дина, – пробормотал Шелеп, отступая спиной в глубь комнаты.

– Дина, можно я примерю на вас платье? – не оборачиваясь, спросила лохматая женщина. – А то Муся для этого слишком низенькая.

– Ну, пожалуйста... – растерянно ответила Дина, подумав, что у швеи, вероятно, есть еще один глаз – на затылке. Иначе откуда ей знать, что она подходящего роста. – Если вас устроит моя фигура.

Тагиров тем временем схватил Эрика за плечо и с нажимом сказал:

– Не нальешь ли мне чашечку кофе? Просто кофе, без ничего.

В доме Шелепа водились только яблоки, листья салата и кофе. И было непонятно, отчего он такой круглый. Возможно, кофе влиял на вес – хозяин потреблял его в огромных количествах. Тем не менее на кухне царил художествен-

ный беспорядок, местами переходящий в хаос, как будто здесь с утра до ночи готовили сложные блюда.

– Ну-с, – сказал Эрик, усадив Тагирова как раз в центре этого хаоса и ополоснув для него чашку. – Что там у тебя?

– Проблема, – ответил тот. – Ты же знаешь, что сюда я прихожу только в крайнем случае.

– Знаю, – кивнул хозяин дома, наклоня кофейник.

Из носика потекла густая зернистая жижа устрашающе черного цвета. Тагиров не в первый раз подумал, что Шеллеп не обжаривает, а собственноручно обугливает кофейные зерна. Впрочем, кофе все-таки получался вкусным, хотя сердце после него еще долго танцевало сиртаки.

– Я не могу тебе ничего рассказать, – Тагиров сделал маленький пробный глоток и зажмурился.

– А я ни о чем и не спрашиваю, – двинул бровками Эрик. – И не стану никогда. Я же не спрашивал, как тебе удалось вытащить меня из того дерьма... Новое имя, новый город, новая жизнь... Я тебе обязан. Твои проблемы – мои проблемы.

– У меня появился враг, – неожиданно признался Тагиров. – Личный враг. Я не знаю, кто он и чего добивается. Вообще ничего о нем не знаю. Боюсь, это не имеет никакого отношения к конторе. Меня нашли на второй квартире. Не то чтобы я особенно скрывал ее: например, приезжал туда на личной машине. Но все-таки и не афишировал. И вот мое убежище рассекретили – и дали мне об этом знать. Пока непонятно, зачем. Дина всего лишь орудие, пешка, и я пока

хочу оставить ее у тебя. Ты можешь выдать ее за одну из своих моделей – она симпатичная.

– Симпатичная? – переспросил Эрик и опустошил свою крохотную чашку в два глотка. – Ты мастер осторожных формулировок. Да она красавица! Увидев Дину, Кэтрин Зета-Джонс попытается выцарапать ей глаза.

– Надеюсь, они никогда не встретятся, – пробормотал Тагиров. – Кстати, деньги за содержание девицы я тебе заплачу.

– Да ты мне уже за все заплатил, так что не беспокойся. Лучше скажи, какая еще помощь тебе понадобится. Ты ведь не станешь обращаться к своим?

– Не стану, потому что не знаю, кто на меня наезжает.

– Но ты не можешь действовать один! – Шелеп всерьез разволновался.

– Я и не собираюсь, – успокоил его Тагиров. – У меня есть люди. Особые люди! Они – порождение системы, но работают вне ее. Никаких открытых контактов и никаких следов. Общение только по телефону: на одном конце провода – они, на другом – я.

«Секретный» сотовый с одним-единственным номером, занесенным в память, находился при нем постоянно. Второй аппарат, на который поступали звонки, лежал в сумочке у руководителя некой группы «У», которая состояла из тех самых «особых людей». Вернее, у руководительницы – Лаймы Скалбе. «Интересно, – подумал Тагиров, – чем может заниматься вне службы умная, коварная и изворотливая жен-

щина?»

* * *

Умная, коварная и изворотливая Лайма Скалбе сидела в подъезде на подоконнике между этажами и горько плакала. На полу возле нее стояли две сумки с вещами. Кто бы мог подумать, что ее роман с Шаталовым закончится так безобразно, так унижительно! «Сначала я ненавидел только твою работу, – выкрикнул напоследок Геннадий. – А теперь ненавижу тебя!» Лайма прекрасно знала, что мужчины болезненно относятся к проблеме женской занятости. У ее трижды разведенной подруги-банкирши над рабочим столом висел лаконичный плакат: «Хочешь разрушить брак – сделай карьеру». Втайне она считала, что банкирша преувеличивает, просто ей попадались тираны и деспоты.

Однако Шаталов не был ни тираном, ни деспотом, а очень даже современным мужчиной, главой строительной фирмы, который высказывал прогрессивные взгляды и весьма ценил женщин-коллег. Но когда дело дошло до личной жизни, прогрессивность слетела с него, как фантик с шоколадки. Геннадий желал, чтобы Лайма встречала его дома после работы веселая и довольная, чтобы на кухне всегда вкусно пахло борщом и котлетами. И вечера они проводили бы вместе, обнявшись на диванчике перед телевизором. А по выходным ходили в кино, или ездили на дачу, или ужинали в ресторане,

смеясь, попивая вино и целуясь по дороге домой. Конечно, в этом не было ничего плохого, но...

У Лаймы не было времени ни на борщ, ни на котлеты. На кино и рестораны тем более. Оставались одни только поцелуи, и те только поздно ночью. Через день. С перерывом на командировки. Редкие ссоры перешли в частые скандалы, и до поцелуев дело доходило все реже и реже. И вот – апогей. Апокалипсис. Он выгнал ее из своей квартиры, бросив в спину обидные слова. Даже их общего кота он оставил себе, заявив, что бедолага сдохнет, лишенный воды и пищи, потому что Лайма может исчезнуть на неопределенный срок, не думая о тех, кто ждет ее дома.

Ехать в собственную пустую квартиру не хотелось категорически. Лайма решила отправиться в какое-нибудь злачное место и вдрызг напиться. Спиртное действовало на нее радикальным образом – от одной рюмки водки шумело в голове, а жизнь представлялась сладкой сахарной ватой, надетой на палочку в руках ангела.

Она загрузила сумки в багажник автомобиля, выехала на шоссе и двинулась в центр города. Несмотря на поздний час, машин было много, и мимо нее то и дело со свистом проносились любители высоких скоростей. В конце концов Лайма остановилась у ресторанчика «Посидим вдвоем», возле которого обнаружилась платная стоянка, где можно было оставить машину до утра.

– А в вашем «Вдвоем» можно посидеть одной? – мрачно

спросила она у молодого человека, встретившего ее на пороге. – Или для того, чтобы тут поужинать, нужно подвергнуться клонированию?

Молодой человек улыбнулся и пригласил ее в зал, подождав официанта. Резвым конем тот подскакал к Лайме и выпалил, запыхавшись:

– Что будете есть? А пить? Могу порекомендовать фирменный коктейль «Веселый Роджер».

– Надеюсь, он не слишком веселый, – пробормотала она, принимая бокал. – Потому что я хочу всего лишь позабыть о неприятностях, а не попасть в вытрезвитель.

– Что вы! – воскликнул добрый официант. – Коктейль очень мягкий. Да и сколько там спиртного? Так, ерунда!

После первой «ерунды» Лайма заказала вторую, потом третью и к тому времени, как ей подали горячее, потеряла нравственный облик. Слезы потекли по ее щекам и оросили шашлык из осетрины.

Тем временем ресторан заполнился до краев, и во всем зале не осталось ни одного свободного места. Только стул напротив Лаймы стоял, распахнув объятия, готовый принять нового едока. Таковой не замедлил объявиться.

– А вот же у вас свободное место! – воскликнул кто-то прямо у нее над головой. – Вы не возражаете, девушка?

К ней наклонился какой-то тип и заглянул в лицо. Глаза у него были сердитые, воинственный подбородок обещал битву не на жизнь, а на смерть. Лайма ничего не ответила,

и тогда тип сказал:

– Она не возражает.

И уселся напротив. Вокруг стоял гул голосов, сопровождаемый негромкой музыкой. Свет был приглушен, и медленно разматывающиеся ленты сигаретного дыма спутывались под потолком. Типу напротив принесли еду, он некоторое время аккуратно поглощал пищу, потом не выдержал и спросил:

– Почему вы не едите?

Лайма долго вращала языком во рту, потом все-таки задала контрвопрос:

– А почему вы едите?

– Я голоден, – коротко ответил тип.

У него были квадратные плечи, мощная шея, широко расставленные глаза и нос картошкой, как у Ивана-дурака в старых рисованных мультиках. Короткий чуб неопределенного цвета, который вежливые парикмахеры называют темно-русый, сбился на одну сторону и вопил о расческе. Впрочем, костюм и галстук вносили в его облик необходимое равновесие – благодаря им он не казался таким уж простофилей. Однако Лайме было глубоко наплевать на его внешность. Она выпила четвертый коктейль, и новая порция слез попала в рыбу.

– Вас бросил мужчина, – неожиданно сказал простофиля, придвинув к себе пепельницу и откинувшись на спинку стула. – Вы ему изменяли?

– Я?! – возмутилась Лайма, задетая ужасным предположением. – Моим моральным обликом... можно воспитывать детей! Глупец просто ревновал меня к моей работе.

– Да-а-а? – Протянул тип. – И кем же вы работаете?

Лайма с опаской огляделась по сторонам, потом легла грудью в соус, чтобы оказаться поближе к своему визави, и жарким шепотом сообщила:

– Секретным агентом.

Мужчина хмыкнул, но она не обратила на это никакого внимания и светским тоном добавила:

– Погони, перестрелки, шифровки – для меня обычное дело.

– А где же вы учились на секретного агента?

– Нигде, – ответила Лайма и сложила губы цветочком. – Я самоучка. Можно мне тоже подымить?

Она долго не могла попасть сигаретой в поднесенный огонек, и ему пришлось встать, чтобы случайно не подпалить ей брови. Вообще-то он не любил пьяных женщин, но эта оказалась забавной. Действительно забавной. Он вытянул ноги под столом и расслабился. Ему страшно хотелось кофе. И надо было ждать, пока его принесут.

– Все получилось случайно, – сообщила Лайма, попытавшись закинуть ногу на ногу. Попытка окончилась неудачей, и тогда она положила подбородок на ладошку. – Видите ли, я владею многими странными языками...

– Странными – значит редкими? – уточнил ее собеседник.

– Ино... странными, – с усилием выговорила она. – И однажды мне пришлось переводить для спецслужб. Моя фамилия попала в их компьютер – и понеслось. Секретные задания, опасные поездки, то-се... Короче, меня завербовали. Кстати, как вас зовут?

– Юрий Репьев.

– А как меня зовут, я не скажу.

– Ясное дело! Конспирация.

Лайма не врала. Правда, она не так давно попала в Джеймсы Бонды и кое-чего сама о себе не знала. Подполковник Дубняк, привлечший ее к оперативной работе, оказался коррумпированным чиновником. В огромной базе данных «фирмы» он подыскал людей, которые когда-либо работали на спецслужбы, но не были настоящими агентами. Дубняк собирался поручить им важное задание, рассчитывая на то, что они его провалят. За провал он лично должен был получить крупную сумму денег со стороны. Так на свет появилась специальная «ударная» группа. Или, сокращенно, группа «У» – троица дилетантов, которые всерьез полагали, что служат родине.

Но Дубняк перехитрил сам себя – проклятая группа «У» во главе с Лаймой Скалбе с заданием справилась. Все ее члены вопреки расчетам остались живы, а сам он потерял над ними контроль, поскольку был пойман на «горяченьком» и сослан руководством на край света – в далекую африканскую страну. Выследил его глава отдела внутренних рас-

следований Игорь Тагиров. Он-то и получил в наследство от Дубняка загадочное подразделение, которое ни за кем не было закреплено и нигде не числилось.

Тагиров полагал, что имеет дело со специалистами высочайшего уровня, с агентами класса «люкс», и пребывал в полной уверенности, что завладел настоящим сокровищем. Еще бы! Люди, подконтрольные лично ему. Их можно бросить на любое дело, поручить любую работу – и никто ни о чем не узнает. Потому что досье агентов уничтожены. Группа есть – и как будто бы ее нет.

Лайма и ее товарищи не знали Тагирова в лицо, только его позывной – Орех. Втайне Лайма надеялась, что этот Орех никогда больше не позвонит, и все забудется, как страшный сон.

Прежде она работала распорядителем в Независимом центре культуры, получала неплохую зарплату и строила матримониальные планы. Но потом в ее рабочем кабинете появился Дубняк, и вся жизнь полетела под откос, как сошедшая с рельсов вагонетка. Вместе с двумя другими членами группы «У» она участвовала в погонях, организовывала засады, устанавливала слежку и в конце концов окончательно испортила свою личную жизнь.

Размышляя о своей несчастной женской доле, Лайма незаметно задремала над злосчастной осетриной, чем страшно развеселила собеседника и расстроила официанта. Пришел менеджер и попытался ее растолкать, но дело оказалось

тухлым – Лайма мычала, рычала, всхлипывала и не хотела подниматься из-за стола. Когда ее попробовали поставить на ноги, она обмякла и кульком свалилась обратно. В конце концов ее оставили в покое, рассчитывая на то, что она проспится прямо здесь. Официант получил выговор и удалился, сердитый.

Юрию было немного жаль дурочку, и, когда зазвонил телефон, он сдернул ее сумочку со спинки стула, добыл из ее недр трубку, прочитал имя «Гена», которое появилось на экранчике, и сказал:

– Здравствуйте, Гена.

– Кто это? – изумленным голосом спросила трубка после трагической паузы.

– Это Репьев, – весело ответил Юрий. – Хотел предложить вам приехать и забрать вашу девушку из ресторана. Она тут слегка перебрала и не может передвигаться самостоятельно. Так что запишите адрес.

Трубка задумчиво потрещала, после чего с чувством послала его далеко и надолго.

– Не повезло! – пожал плечами Репьев, обращаясь к ничего не соображающей Лайме. Ее подбородок упирался в грудь, а нижняя губа сползла вниз, как у старухи, прикорнувшей после обеда над вязанием.

Он рассмеялся, расплатился по счету и ушел, спросив напоследок у менеджера:

– И что вы будете с ней делать?

– Ничего, – пожал плечами тот. – Мы работаем круглосуточно.

Пьяные иногда спят в автобусах, которые возят их по круговому маршруту снова и снова. «Почему бы не подремать в круглосуточном ресторане?» – подумал Репьев. Он жил поблизости, но сюда раньше никогда не заглядывал. А местечко-то оказалось уютным.

Утром, приняв душ и побрившись, он первым делом вспомнил о вчерашней девице и прыснул в чашку, расплескав кофе. Секретный агент! Надо же, чего только не приходит в голову подвыпившим женщинам!

Насвистывая, он спустился вниз, покачивая в руке портфель, и отправился на стоянку за машиной. И тут увидел ее. Она стояла рядом с запыленными «Жигулями», опираясь правой рукой о дверцу, и была похожа на бандероль, долго блуждавшую по городам и весям – растерзанная и помятая, с опухшей физиономией и затуманенными глазами.

– Салют, – сказал Репьев и остановился напротив. – Как спали?

– Кто вы? – спросила Лайма замогильным голосом.

– Мы познакомились в ресторане, – сообщил он. И напомнил: – Юрий Репьев.

– Оч-приятно, – пробормотала она.

В этот момент в сумочке у нее загудел мобильный, она запустила туда руку, но найти его не смогла. Тогда, недолго думая, перевернула и вывалила ее содержимое прямо на капот.

Телефон оказался сверху, но никаких сигналов не подавал.

– Черт побери! – воскликнула Лайма, сообразив, что звонит не ее обычный, а другой, «шпионский» телефон. – Начинаются неприятности...

Репьев стоял и смотрел, как она действует. Координация движений еще не восстановилась окончательно, и дело продвигалось туго, но она все же добилась своего и ответила на звонок. И сразу спросила приглушенным голосом:

– Это Орех? Да, это Лайма Скалбе. – Помолчала, слушая собеседника, и браво закончила: – Есть. Так точно. Принято.

Отключила телефон и запрятала его в тот же самый кармашек на «молнии», из которого с таким трудом извлекла. Потом сгребла остальное свое добро и, встряхнув сумку, обратилась к Репьеву:

– А вы на машине?

– Да, – кивнул он, не трогаясь с места.

Он и сам не мог объяснить, что его удерживало. Конечно, у девицы была замечательная фигурка. Но все остальное ни чуточки не радовало. Светлые волосы, собранные в нелепый пук, ее отнюдь не красили, а отекая физиономия тем более. Кроме того, под глазами лежали разводы вчерашней туши, а остатки румян под ярким солнечным светом выглядели пошло. Но все же она его зацепила. Или, точнее сказать, заинтриговала.

– Вот что, Юрий Репьев, – между тем обратилась к нему Лайма. – Вы должны меня подвезти.

– Нет, я вам ничего не должен, – весело ответил тот и подбросил на ладони заветный ключ. – Я спиртное не заказывал, и напилась вы в одиночестве.

– Боюсь, что я не смогу вести машину.

– Поймайте «бомбилу», – предложил он, представляя себе, как вот прямо сейчас сядет за руль и уедет. Пожалуй, об этом эпизоде он будет долго вспоминать. И неожиданно для себя спросил: – А куда вам надо?

– К зоопарку.

– У-у! – протянул Репьев. – По пробкам придется ехать.

– Так вы меня подбросите? Плачу триста рублей.

– Щедро, – похвалил он и тут же решил, что сегодня можно опоздать на работу. Ведь вчера он сидел в офисе почти до полуночи. – Ладно, я отвезу вас так, и не вздумайте потом совать мне свои сотни. А вас действительно зовут Лайма?

– Да. Станный вы человек! В наше время мало кто отказывается подработать.

– На самом деле я рассчитываю на то, что вы дадите мне свой телефон.

В ответ на это Лайма удивленно спросила:

– Зачем?

Действительно, зачем? Придерживая для нее дверцу своего автомобиля, Репьев некоторое время размышлял и наконец ответил:

– Чтобы продолжить знакомство.

– Завязать знакомство мне по силам, – деловито замети-

ла она. – А на остальное у меня времени нет.

– Понимаю... Секретные поручения?

Они уже влились в поток уличного движения и довольно резво двигались вперед. Репьев уверенно вел машину, но между делом успевал поворачивать голову и разглядывать Лайму. Если ее умыть и приодеть, она будет классно выглядеть. Вероятно.

– Господи, что я вам такого наговорила?

– Ничего особенного. Просто сообщили, что вы – секретный агент.

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялась Лайма и демонстративно вытерла глаза мизинцем, словно от смеха у нее выступили слезы. – Наверное, вы мне понравились и я хотела вас... закадрить.

– Я так и понял. – Репьев хмыкнул, а про себя подумал: «Неужели и правда секретный агент? Может, завести с ней романчик? Ну да... А когда я ей надоем, она меня прикончит». Опасение осталось где-то внутри и всю дорогу щеко-тало ему нервы. И когда они наконец приехали, он спросил:

– А на самом деле – чем вы занимаетесь?

– Культурой, – поспешно ответила Лайма. – Я менеджер, организую всякие культурные мероприятия.

– А моя работа связана со строительством.

Она посмотрела на него дикими глазами и пробормотала:

– Еще один...

Репьев достал визитку и протянул ей, поинтересовавшись:

– А у вас есть визитка?

– Ну откуда?! – воскликнула она таким тоном, будто бы менеджеры занимаются исключительно ворошением мусора лопатами и не имеют надобности в визитных карточках. – Но я дам вам номер своего мобильного. Записывайте: пять-пять-пять, три-три, один-один.

– Похоже на телефон таксопарка, – мрачно заметил Репьев, поняв, что подвозил он эту девицу зря и больше никогда ее не увидит. И предпринял последнюю попытку: – Может быть, поужинаем вместе?

– Как-нибудь в другой раз, – улыбнулась Лайма, выбираясь из машины. – Мне еще после вчерашнего ужина надо прийти в себя.

Она помахала ему рукой и широким шагом направилась ко входу в зоопарк. Он некоторое время смотрел ей вслед, отметив и мятый серый костюмчик, и туфли на устойчивом каблуке. Подумал: «А на хрена мне это надо?» – и уехал, на ближайшем светофоре проскочив на желтый.

Лайма дождалась, пока его автомобиль скроется из виду, развернулась и потопала прочь от зоопарка. Ее интересовал старый жилой дом с большим чахлым кленом во дворе, расположенный неподалеку, а точнее – квартира номер пятнадцать на четвертом этаже. В этой квартире проживал Евгений Корнеев, второй член группы «У» – гениальный компьютерщик и одновременно красавец-мужчина, который проводил гораздо больше времени в виртуальном мире, чем

в реальном. По этой причине Корнеев не всегда откликался на звонки, и в сумочке Лаймы лежала связка ключей, с помощью которых можно было проникнуть в его жилище.

Дверь подъезда запиралась на замок, и пока Лайма открывала ее специальным плоским ключом, к дому подъехала машина «Скорой помощи», и из распахнувшейся дверки вывалился на асфальт тощенький низкорослый дядька в халате такой невероятной белизны, что резало глаза. В руке он держал потертый чемоданчик.

– Не закрывайте, девушка! – крикнул он Лайме и ловко протиснулся мимо нее внутрь. Взбежал по ступенькам к лифту и громко воскликнул: – Ах, черт, не работает!

– А вы в какую квартиру? – почуяв неладное, спросила она.

Доктор уже схватился рукой за перила, поднял голову и цокал языком, предвкушая пешее восхождение. На вопрос Лаймы он ответил с такой обреченностью в голосе, как будто в конце пути ему предстояло сразиться с драконом:

– В пятнадцатую.

– Ой, я тоже туда! – воскликнула Лайма. – А что там случилось?! Ну, говорите же!

– Не орите на меня, – обиделся доктор, перешагнув сразу через две ступеньки и сердито обернувшись назад. – Я не понял, что там случилось – не то сердечный приступ, не то инсульт.

– А кто звонил? – Лайма побежала вслед за врачом, в пря-

мом смысле слова наступая ему на пятки. – Это с мужчиной плохо?

– С женщиной, – подтвердил тот, замедляя шаг.

У бедолаги была одышка, и Лайма, не церемонясь, оттерла его плечом и поскакала вверх, подгоняемая тревогой. Неужели Корнеев досиделся в Сети до мозгового удара? Она заранее наставила ключ, чтобы с первого захода попасть им в замочную скважину. Однако никаких манипуляций не потребовалось, потому что дверь оказалась не просто открытой, а распахнутой настежь, и внутри квартиры, в коридоре, стояла хорошенькая пергидрольная девушка с умоляюще сложенными руками.

– Что случилось? – спросила Лайма, остановившись напротив нее.

– Н-не знаю! – испуганно ответила девушка хрупким голосом. – А вы из «неотложки»?

– Да, дорогая, – неожиданно загустевшим тенором ответил вместо Лаймы подоспевший доктор. Его невеликая фигура неожиданно приобрела некую значительность, и он как будто даже сделался выше ростом. Отпихнув Лайму своим чемоданчиком, он подошел к девушке вплотную и похлопал ее по плечу.

– Ведите меня, голубушка. Как вас зовут?

– Катя, – пискнула та и, уверившись в том, что с нее сняли ответственность за происходящее, громко всхлипнула. – Он... Он не двигается, доктор!

– Ничего, ничего, сейчас зашевелится.

Друг за другом они потянулись в глубь квартиры, Лайма, не медля, последовала за ними. Корнеев сидел за компьютером с абсолютно прямой спиной и держал обе руки над клавиатурой, скрючив пальцы, словно собирался загребать ими невидимые сокровища. Вид у него был в самом деле пугающий, в основном из-за абсолютно бессмысленного выражения лица, с которым он смотрел на экран монитора. По экрану плавали разноцветные рыбки, кося на Корнеева виртуальными глазами.

Лайма облегченно вздохнула. Задуматься и «зависнуть» было для Евгения обычным делом. Она сто раз заставляла его в самых диких позах, которые он мог «держат» несколько часов, не испытывая неудобства. Со стороны это и в самом деле выглядело ужасно, особенно в глазах человека несведущего.

Успокоившись, она принялась собирать чашки с остатками чая, которыми была уставлена вся мебель – и столы, и стеллажи, и подоконники. Корнеев любил чай до невероятности, но никогда не допивал его до конца, потому что постоянно отвлекался на посторонние вещи.

– Так, – сказал доктор, не знакомый с особенностями поведения компьютерных гениев, и достал из кармана халата очки. Закрепил их на переносице и постучал Корнеева согнутым пальцем по плечу, как будто хотел уточнить, не он ли последний в очереди. К его великому изумлению, тот не рас-

сыпался на кусочки и не рухнул на пол, хотя вид у него был соответствующий.

– И давно он вот так... остекленел? – задумчиво спросил врач, приблизив свое румяное лицо к восковой физиономии Корнеева.

«Вероятно, Евгений не гулял и плохо питался, – решила Лайма. – Катя не выглядит девушкой, способной приготовить что-нибудь съедобное. Возможно, они варили сосиски из вакуумной упаковки и ели чипсы».

– Пульс есть, – удивленно сказал врач, подержав Корнеева за запястье. – Не понимаю, почему он такой... оловянный. Разве что вирус?

– А если паралич? – жалобно спросила Катя.

По всему было видно, что Корнеева ей жалко. Еще бы! Такие красавчики рождаются раз в сто лет, и ей почти удалось покорить его сердце...

Доктор добыл из своего чемоданчика шприц и взял его наизготовку, поделившись с присутствующими своими соображениями:

– Допускаю, что у него экзотическая болезнь. В последнее время он летал за границу? В жаркие страны?

– Никуда он не летал, – сердито сказала Лайма. – Он же не журавль. Перестаньте суетиться, сейчас я его оживлю.

– Как?! – воскликнула Катя с душевным надрывом.

Лайма сочувственно похлопала ее по плечу и приблизилась к мумии Корнеева. Обошла ее с другой стороны, под-

дела носком туфли толстый серый шнур и одним рывком выдернула его из розетки. Рыбки в последний раз блеснули виртуальной чешуей и исчезли. Экран компьютера мгновенно померк, превратившись в один большой мертвый глаз. Несколько секунд ничего не происходило, потом Корнеев пошевелил верхней губой, и его тонкие пижонские усы, наповал сражавшие женщин бальзаковского возраста, осторожно шевельнулись.

– Раз, два, три, Евгений, отомри, – пробормотала Лайма и наклонилась к нему. – У нас проблемы. *Он* позвонил.

Корнеев моргнул и ожил. Разогнул пальцы, отдернул руки от клавиатуры и, поднявшись на ноги, с противным хрустом потянулся.

– Ах! – воскликнула Катя. – Не могу поверить! Ты жив, Женечка!

Она бросилась ему на шею, и он рассеянно ее обнял, поглаживая по спине. Через ее плечо посмотрел на Лайму и тревожно спросил:

– Он позвонил? И что сказал?

Лайма уже раскрыла рот, но ее перебил доктор:

– Я хочу объяснений, и побыстрее.

Гнев выступил на его лбу крупинками пота. Эскулап упер руки в боки и, кажется, собирался устроить грандиозный бэмс. Лайма мгновенно сориентировалась и повела его в соседнюю комнату. Там достала из сумки и показала удостоверение с фотографией, на которой она была снята во френ-

че и пилотке и где большими красивыми буквами было написано: «Федеральная Антитеррористическая Служба Безопасности».

Удостоверение было липовым. Такой службы не существовало. Но поскольку члены группы «У» считали, что действуют на благо страны, они решили, что имеют право на безобидный обман. Удостоверения не приносили им никакой выгоды, зато помогали справляться с чиновниками и развязывали языки свидетелям. Даже милиционеры опасались проявлять недружелюбие – с людьми из загадочной «ФАЭс-Бэ» никто не хотел связываться.

– Значит, с вами все в порядке, господин Корнеев? – хмуро спросил доктор, возвратившись обратно. Ему хотелось сохранить лицо. – А выглядели вы неважно.

– Он разрабатывал стратегический план, – шепнула ему на ухо Лайма. – Будьте осторожнее на лестнице.

Когда дверь за ним захлопнулась, Лайма вернулась в комнату. Катя совершенно раскисла и теперь утирала слезы бумажными платками. Корнеев по одному доставал их из пачки и протягивал ей.

– Ты ее здорово напугал, – заметила Лайма, недовольно хмуря лоб. – Если уж приводишь домой девушку, не отвлекайся от нее до тех пор, пока она не уйдет.

– Эта не хотела уходить, – сообщил Корнеев. – Не мог же я сидеть целый день просто так только потому, что ей приспичило остаться.

– Приспичило?! – вскинулась Катя. – Я думала, у нас завязались романтические отношения!

– С этим мужчиной невозможно завязать романтические отношения, – сообщила Лайма сочувственным тоном. – Он уже отдал свое сердце продуктам высоких технологий. Вот если бы вы были снабжены портами, тогда другое дело.

– Какими... портами? – изумилась та. – О чем это вы говорите?

– Дай я сам. – Корнеев оттолкнул Лайму и проникновенно сказал, взяв Катины руки в свои: – Дорогая, наша встреча была ошибкой. Нам нужно расстаться. Я тебя недостойн. Ты... Э-э-э... заслуживаешь лучшего. В твоей жизни еще будет мужчина, способный возвести тебя на вершину любви. Мое сердце обливается кровью, но я стискиваю зубы и говорю тебе – прощай!

Катя обернулась к Лайме и спросила:

– Что за ахинею он несет?

– Не знаю. Думаю, он выписал эту тираду из какого-нибудь любовного романа и заучил наизусть. Честное слово, милая, вам лучше уйти.

– А вы, значит, останетесь? – визгливым голосом уточнила та и заняла боевую стойку.

– Начинается, – пробормотал Корнеев. – Почему это все женщины любят меня по-разному, а скандалы устраивают до смешного одинаково?

– Все женщины? – ахнула Катя. – Так ты меня обманывал,

когда говорил?..

– А что я говорил? – с любопытством спросил Корнеев. – Вчера вечером меня посетила одна идеяка...

– Скотина.

Катя смерила его ненавидящим взором и удалилась, гордо цокая каблучками. Дверь хлопнула во второй раз.

– Слава богу! – обрадовался хозяин квартиры. – Ну, знаешь, вы и существа! Зовешь вас в гости, а вы приходите и начинаете вить гнездо.

– С тобой, Евгений, можно свить только веревку и на ней повеситься, – ответила Лайма, которой девицы Корнеева надоели до чертиков. Порой приходилось проводить настоящие спецоперации, чтобы освободить его от очередной Джульетты.

– Ты с Иваном уже связывалась? – спросил тот, ничуть не смущаясь ее раздражением. – Не знаешь, он сейчас в городе?

Иван был в городе. Корнеев с Лаймой нашли его в пивном баре возле дома, где он предавался чревоугодию. На огромном блюде перед ним лежали усатые креветки, а рядом стояли опустошенные пивные кружки с кружевами засохшей пены на ободках. Кружек было так много, будто бы пивом недавно тушили пожар. Увидев своих товарищей, которые шли к нему с деловыми лицами, Медведь оживился.

– Что? – спросил он, грузно поднимаясь со стула. – Опять начинается?

При своем немалом росте и устрашающей комплекции физиономией Медведь обладал симпатичной, был по-своему добр, уважал женщин и стариков, любил детей и собак и никогда не наступал на насекомых. Придушить же бандита ему ничего не стоило. У него была хорошая подготовка и два ранения, из-за которых он так и не успел набраться боевого опыта.

– Начинается, – подтвердил Корнеев, пожимая ему руку.

– Он позвонил, – пояснила Лайма. – Желает встретиться.

Поэтому сегодня вечером мы идем в парк аттракционов. Он будет ждать нас в комнате страха.

– В комнате страха? – удивился Медведь. – Наверное, хочет провести что-то вроде аттестации. Проверить наши нервы.

– Думаешь, он собирается нас пугать?

– Не знаю. По правде сказать, я решил, что никогда не увижу его живьем.

– Вероятно, случилось что-нибудь из ряда вон выходящее, – предположила Лайма.

– Гениальный русский ученый изобрел новое оружие и продал его китайским экстремистам, – поддакнул Корнеев. – Стая ворон-мутантов насмерть заклевала депутата Государственной думы. Под видом водки «Русская надежда» подпольные дельцы продавали березовый сок, разбавленный перекисью водорода. Мало ли что могло случиться в этом сумасшедшем городе!

Они вышли на улицу и погрузились в автомобиль. Корнеев, который недавно окончил курсы экстремального вождения, теперь никому не желал уступать место за рулем. После этих курсов он стал ездить как шизофреник, удирающий от группы дипломированных психоаналитиков. Особенно любил ракетой проноситься на красный свет и с визгом разворачиваться через две сплошные, ободряюще улыбаясь при этом помертвевшим пассажирам.

Стоял погожий вечер, и синее полотняное небо над Москвой постепенно темнело, превращаясь в бархат, который вскоре проткнут первые бриллиантовые гвоздики звезд. Нагулявшийся за день ветер гнал ленивое стадо туч с дневного выпаса, и Лайма то и дело задирала голову, чтобы полюбоваться всей этой красотой. На ступеньках при входе в парк аттракционов она споткнулась и едва не загремела вниз.

– О чем ты только думаешь? – возмутился Корнеев, едва успев схватить ее за локоть. – О любви?

– Любовь выдумали мужчины, – мрачно заявила Лайма.

– Н-да? – удивился Корнеев и посмотрел на Медведя. Тот пожал плечами. – Почему?

– Потому что это дурацкое чувство. – Помолчала и добавила: – Дурацкие мужчины придумали дурацкую любовь.

– Ты ушла от Шаталова! – догадался Медведь, и лицо его просветлело.

Лайма посмотрела на него с упреком. Прежде чем отпра-

виться на встречу с боссом, она приняла ванну, переоделась и привела себя в порядок, отчасти восстановив душевное равновесие. «Ореху она понравится», – с ревнивой гордостью подумал Медведь и попробовал посмотреть на Лайму чужими глазами. Увидел изысканную блондинку в деловом костюме и удобных туфлях, с гладкой прической и выразительными глазами. Пожалуй, немного холодновата и консервативна, но это даже хорошо. Не все мужчины замечают неброских женщин, а им и красавчика Жеки с его любовными похождениями хватает с головой.

– Комната страха там, – сообщил Корнеев, показав пальцем на схему парка, установленную на перекрестье пешеходных дорожек.

Аттракцион помещался в большом круглом здании, напоминавшем гигантскую консервную банку. Возле входа толпились взрослые с детишками, которые повизгивали и нетерпеливо подпрыгивали. Группа «У» пристроилась в хвост очереди, и какой-то малыш, восхищенный габаритами Медведя, задрал голову и спросил:

– Дядя, вы тоже поедете на паровозике?

– Да, мальчик, – ответил тот. – Я просто тащусь, когда меня пугают.

Тотчас получил от Лаймы тычок в печень и пряничным голосом повторил, улыбаясь:

– Да, мальчик, я тоже поеду на паровозике. Это так весело!

Папа мальчика посмотрел на него с подозрением, но ничего не сказал.

– Еще неизвестно, помещусь ли я в том паровозике, – проворчал Медведь. – Неужели нельзя было встретиться в каком-нибудь уединенном месте?

– Ты имеешь в виду – на кладбище? – съехидничал Корнеев.

Его внешность в стиле «latino lover» не осталась незамеченной. Молодые мамы, стоявшие впереди, заговорили томными голосами, стали преувеличенно громко общаться со своими детишками и визгливо смеяться. Примитивные папы ничего не замечали.

Когда подошла их очередь, члены группы «У» гуськом вошли под темные своды комнаты страха и заплатили за билеты хмурому типу, одетому в костюм летучей мыши.

– Вы сядете последним, – распорядился тип, придерживав Медведя. – А то за вами никто ничего не увидит.

– Ладно, – покорно согласился тот. – Хотя я не очень люблю оставлять спину открытой. Особенно когда вокруг всякие ужасности.

Помещение было декорировано под пещеру со сталактитами. В глубоких нишах горели факелы, а с потолка свисала густая паутина с пузатыми резиновыми пауками размером с кофемолку. Втроем они уселись в хвост состава, в затылок друг другу, и Медведь глухо заворчал, потому что его подбородок практически уперся в колени.

– Знаешь, Жека, мне как-то не по себе, – признался он Корнееву, наклонившись к его уху. – Сердце что-то... подпрыгивает.

– Только после никому не рассказывай, что твой первый инфаркт случился в детском паровозике, – посоветовал тот.

– Не понимаю, как здесь можно с кем-то встретиться! – не сдавался Медведь. – Зачем босс заставил нас сюда прийти?

– Значит, так надо, – крикнула Лайма, обернувшись назад.

Паровозик громко лязгнул, как будто был настоящим большим составом, ощутимо вздрогнул и тронулся с места, сразу же углубившись в узкий тоннель. Потолок был таким низким, что запросто мог снести голову, и все стали пригибаться и ахать. Воспользовавшись маленькой скоростью, Медведь тотчас ткнул в него пальцем, уверившись, что над ними всего лишь резина. Впрочем, выглядело все довольно правдоподобно. Но вот тоннель закончился, и прямо на пути паровозика возникло огромное чудовище с алой разверстой пастью и желтыми клыками. Таинственный свет запрыгал по глянцевым чешуйкам, и дети завизжали. Чудовище медленно отъехало в сторону и закачало головой на длинной шее. Лайма против воли рассмеялась – ей совершенно точно нравилось приключение.

– Не хочется думать, что босс прыгнет на нас сверху, – пробормотал Медведь, который просто не мог держать в себе переживания.

Возможно, он предчувствовал неприятности, или, как сказала потом Лайма, сам их накаркал. Поначалу все шло хорошо, но вдруг свет в тоннеле померк, ход поезда замедлился, и вагончики через некоторое время остановились совсем. Повисла напряженная тишина, нарушаемая только выкриками самых маленьких ребятишек. Все ждали, когда появится привидение или, на худой конец, выдвинется на колесиках из тайного грота чучело леопарда, но ничего не происходило. Совсем ничего. Потом впереди вспыхнул фонарик. Служащий, который управлял поездом, встал в полный рост и крикнул:

– Не волнуйтесь, товарищи, просто небольшая техническая неполадка. Вероятно, что-то с электричеством.

– Начинается, – громким шепотом сказал паникер Медведь. – Из-за нас пострадали бедные детишки.

– Да никто еще не пострадал! – Одернула его Лайма.

Услышав ее слова, родители страшно разволновались. Мужчины потребовали немедленно вывести женщин и детей на улицу. Служащий спорить не стал. Он прошел вдоль всего поезда, помогая пассажирам выбраться наружу, выстроил их в колонну и велел следовать за ним. Сам пошел во главе отряда, освещая путь.

Лайма, Корнеев и Медведь остались сидеть в последнем вагончике, захлопнув рты на замок. Было тихо, темно и по-настоящему страшно. Без электричества, которое питало артерии аттракциона, все вокруг казалось мертвым. Как будто

они забрались под огромное одеяло, куда не доносятся звуки домашней жизни. Прошло не меньше пяти минут, и Корнеев вполголоса спросил:

– Ну и чего мы ждем?

Не успел он договорить, как из-за поворота выпрыгнул сияющий круг, и луч фонаря мазнул по двум пустым вагончикам. Раздались хрустящие шаги, будто бы кто-то шел по целлофану, и в тоннеле прорисовалась темная фигура. Члены группы «У» тотчас решили, что явился их таинственный босс, и выбрались из поезда.

На самом деле это был один из здешних служащих по фамилии Лещина, который вызвался отыскать сумочку, потерянную пассажиркой. Встретить в тоннеле посторонних он не ожидал. И когда услышал возню и шепот, здорово испугался. И крикнул в ту сторону:

– Кто здесь?!

Поднял фонарь повыше и неожиданно для себя осветил Медведя. Поскольку Петр Сергеевич Лещина был невысок, тот показался ему огромным и ужасным. У бедняги немедленно затряслись поджилки.

– Вы Орех? – грубо спросил огромный и ужасный тип, похожий на ожившую гору.

– Откуда вы знаете? – глупо спросил Лещина, которого молоденькие кассирши как только не обзывали – и фундуком, и арахисом.

– Мы готовились к встрече с вами, – произнес зловещие

слова человек-гора.

Петр Сергеевич едва не осел на землю. Они готовились! Это нападение! Его хотят взять в заложники... Ограбить кассу – ужас, ужас!

В этот момент как раз дали ток, отовсюду послышались щелчки и потрескивание, и где-то в глубине тоннеля загорелся жиденький свет. Но там, где остановился поезд, по-прежнему было темно, и кроме Медведя, бедолага Лещина ничего не мог различить вокруг себя. Он начал отступать назад, и тут невидимый Корнеев воскликнул:

– Эй, стойте! Здесь вся спецгруппа!

Объятый ужасом Петр Сергеевич его слова неправильно понял. Он решил, что какая-то спецгруппа подобралась к человеку-горе сзади и требует, чтобы тот стоял на месте и сдавался. Мысль о том, что сейчас бандит начнет отстреливаться, а он сам может попасть под перекрестный огонь, придавала бедолаге сил. Лещина сгруппировался, громко крикнул и совершил грандиозный прыжок в сторону поезда. Тараканом забрался в вагончик и бросился к пульту управления. Медведь скакнул за ним.

– Куда, куда?! – завопили в два голоса Лайма и Корнеев.

– Это ловушка! – крикнул в ответ их храбрый товарищ, преследуя Петра Сергеевича.

Лещина успел нажать на несколько кнопок, и поезд медленно тронулся с места. Но тут Медведь повалил отважного служащего на приборную доску и принялся душить. Тот

начал вырываться, с испугу Медведя поцарапал и даже один раз укусил. Ивану показалось, что ему в руки попал озверевший кот. Завязалась нешуточная драка. Противники выли и перекатывались от левого борта вагончика к правому. Одновременно они успевали хвататься руками за провода и балки, идущие вдоль стен, и в конце концов сорвали какой-то рычаг, после чего поезд форменным образом обезумел. Он зарычал, загудел, заискрился даже и с неожиданной прытью помчался вперед. Лайма и Корнеев попытались броситься в погоню, но быстро поняли, что дело гиблое.

– Думаешь, это был не наш босс? – запыхавшаяся Лайма обернулась к Корнееву, чья физиономия смутно белела в сумраке тоннеля.

– Конечно, нет! Какой-нибудь стрелочник, явившийся проверить, все ли тут в порядке. А Иван хорош!

– Он был в жутком напряжении, – попыталась оправдать Медведя Лайма.

В этот момент послышался грохот, и они отпрыгнули к стене, прижавшись к чему-то большому и плюшевому. Поезд, стуча колесами, пронесся мимо них. Судя по доносившимся выкрикам, драка продолжалась.

– На второй круг пошли, – пробормотал Корнеев, ощупывая то мягкое, что грело ему бок. – Так, Лайма, лучше не пытайся рассмотреть эту штуку, ты расстроишься.

– Надо найти кого-нибудь, кто остановит поезд! Кто-то же отвечает за него!

Словно в ответ на ее призыв в пяти метрах впереди открылась незаметная дверь, и в тоннеле появился техник Петренко, который выпил на работе, не в первый уже раз заснул на посту, а вот теперь проснулся и добровольно шел получать выговор от начальника смены. Возможно, его даже уволят, и тогда жена поведет его к очередному целителю, чтобы делать уколы или пить специальный чай, отвращающий от алкоголя. Петренко твердо знал, что от алкоголя отвратить его не сможет ничто.

Не успел он пройти и нескольких шагов, как сзади на него набросились, схватили за горло и принялись мутузить, выкрикивая:

– Как остановить поезд, гад? Говори!

В ту же секунду на нападавшего кто-то налетел. Стал хватать его за руки и вопить:

– Нет, нет, не надо! Не надо!

Со свистом пронесся очумелый паровозик, из-под колес сыпались искры, а до слуха доносились матерные слова.

Петренко побежал к распределительному щиту, нажал на красную кнопку и услышал, как состав тормозит за поворотом, скрежеща по рельсам. Потом техника схватили за шкуру и куда-то поволокли. От страха он почти сразу протрезвел и очень сильно зажмурился. А когда открыл глаза, то увидел, что находится в той самой «пещере», где продавались билеты. Вокруг было полно людей, все говорили разом, какая-то женщина всхлипывала. Сотрудники броси-

лись к Петренко, начали обнимать его, хлопать по плечам и спрашивать, не нужна ли ему неотложная помощь.

– Спокойно, спокойно, граждане, – увещевала людей блондинка в деловом костюмчике, размахивая глянцевым удостоверением. – Служба безопасности. Антитеррористическая. Проблем больше нет.

Петренко мешком свалился на поднесенный стул и заснул. Выходит, в тоннеле он столкнулся с террористами?!

– Вот он, морда! – злобно крикнул помятый и ободранный Петр Сергеевич Лещина, тыча пальцем в Медведя, которого Корнеев подталкивал к выходу. – Поймали гидру!

Гидра выглядела не лучшим образом и в настоящий момент испытывала чувство глубокого стыда.

– Атракцион закрывается до утра! – крикнул начальник смены. – Граждане, подходите в порядке очереди за деньгами, мы все вам вернем – до копеечки.

Очутившись на улице, Лайма остановилась и глубоко-глубоко вздохнула. Обвела глазами мирный пейзаж с крутящимся на заднем фоне колесом обозрения и сказала:

– Такое чувство, что я совершила путешествие в преисподнюю.

– А какое у меня чувство, я даже говорить не стану, – злобно прошипел Корнеев, глядя на Медведя с негодованием.

И тут позади них раздался незнакомый голос:

– Лайма Скалбе? Иван Медведь? Евгений Корнеев?

Все трое разом обернулись и увидели перед собой статно-

го мужчину с седеющими висками.

– Тагиров, – представился он и протянул руку. Золотая запонка блеснула в свете заходящего солнца и на секунду ослепила Корнеева.

Он первым ответил на рукопожатие.

– Босс? – на всякий случай уточнила Лайма.

Тагиров кивнул и ей тоже пожал руку – коротко и крепко. Женщина, возглавившая спецгруппу, заслуживала самого пристального внимания. Он считал ее личностью загадочной и опасной, эдакой пиковой дамой. Даже странно, что она не роковая брюнетка. И, в общем, выглядит довольно мирно. Как там однажды сказал Дубняк? «Никакая она не пиковая дама, а так – дамочка!» Впрочем, внешность бывает обманчивой.

Тагиров поздоровался с Медведем и пояснил:

– А я стоял вон там, возле входа, и все никак не мог понять, зачем вы отправились кататься. А вы, оказывается, заметили бандита.

– У него было оружие, – кивнул Медведь. – Под пиджаком. И он так быстро уселся в паровозик...

Лайма с Корнеевым повернули головы и задумчиво посмотрели на Ивана.

– Кстати, а где он? Я имею в виду – бандит? – спросил Тагиров.

– Мы его прогнали, – ответил Медведь. Потом спохватился и быстро добавил: – То есть мы с ним разобрались. По-

своему. Не стоит волноваться.

– Молодцы, – похвалил Тагиров, оглянувшись назад и предложил: – А теперь пойдем отсюда. Не стоит привлекать к себе внимание.

Они отправились в кафе и устроились на открытой веранде под тентом. Все заказали себе кофе, а Медведь еще и два куска торта, чтобы снять стресс. Стресс он снял очень быстро, и когда облизал ложку, Тагиров решил приступить к делу. Он рассказал о своей секретной квартире, о Дине и о послании у нее на ноге, о том, что она ничего не помнит. А также о частном сыщике, который подобрал ее на дороге.

– Думаю, с этого самого частного сыщика вам и следует начать. Его имя – Арсений Кудесников.

* * *

– Ты с ума сошел! – громким шепотом завопила Маша Школьниковая, когда открыла входную дверь и увидела за ней Кудесникова с котом на цепочке. Ее темно-янтарные глаза с влипшими внутрь мушками зрачков расширились в страхе. – Ты хочешь моей смерти?!

– Не хочу, – ободрил ее Кудесников. – Но и своей тоже не хочу, поэтому я здесь. Мы с тобой всегда так хорошо прятались, что о нашей связи не знает ни одна живая душа.

– Муж может прийти в любой момент! А внизу в машине бдит шофер. Что я им скажу?!

– Скажешь, что я твой кузен из Мариуполя.

– Ты не похож на кузена! – повысила голос Маша и растопырила руки, чтобы загородить вход в квартиру.

– Машка,пусти меня! – потребовал Кудесников. – Мне нужно переодеться женщиной, и только ты одна можешь мне помочь, потому что подходишь по комплекции.

Маша и в самом деле была высокой девушкой с широкими плечами и узкими бедрами. И даже стопа у нее была большой, хотя и с игривыми пальчиками. Некоторое время пассивная Кудесникова молча смотрела на него, потом опустила руки и расхохоталась.

– Ну что, что? – рассердился тот, проскользнув в прихожую и потянув за собой Мерса, который уже устроился на коврик и лизал пузо. – Ты же знаешь, какая у меня опасная работа. Мне нужно спрятаться. Чего ты вдруг так разве-селилась?

– Представила, как ты будешь брить ноги.

– Не буду я брить, – отшатнулся Кудесников. – Я наде-ну колготки. Деловые девушки даже в жару ходят на работу в колготках. А сейчас конец лета, скоро похолодает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.